

Педофилия и детская порнография в контексте современного общества

A humble work by an anonymous researcher¹

Many people would sooner die than think. In fact they do so.

Bertrand Russel

Безумие единиц – исключение, а безумие целых групп, партий, народов, времен – правило.

Фридрих Ницше

Abstract

О проблеме педофилии и детской порнографии заговорили в США в конце 1970-х годов.² С тех пор эта тема переросла в настоящую социальную панику почти во всех развитых странах (США, Канада, Австралия, страны Европы). Люди в большинстве своем поддерживают борьбу с педофилами, которая стала горячей политической темой; борющиеся с педофилами и детской порнографией снискали себе уважение и затрачивают на свою деятельность много средств, времени и сил.

В общем виде, сколько можно судить по новостям и заявлениям официальных лиц, основные идеи нынешнего движения по борьбе с педофилами и детской порнографией сводятся к нескольким центральным тезисам. Я последовательно рассмотрю эти тезисы и обсужу некоторые общие соображения и факты, которые представляются мне крайне важными. Я буду ссылаться на ряд научных исследований, среди которых преобладают англоязычные статьи и монографии, вышедшие в реферируемых научных журналах и изданиях. Непосредственный перевод англоязычных цитат дается в квадратных скобках. Я обычно не указываю номер, страницы и т.д. в ссылках, т.к. эти работы очень легко находятся в интернете (рекомендуется использовать Google Scholar), а соответствующую цитату легко обнаружить, скопировав ее в диалоговое окно электронного поиска по документу; общие выводы авторов почти всегда изложены в аннотации

---

¹ Автор благодарит других членов анонимного сообщества за комментарии и помощь с созданием данной работы.

² “Public and professional acknowledgement that significant numbers of children are sexually abused by their relatives and caretakers did not really begin to emerge until the mid-1970s [общественное и профессиональное признание того факта, что большое количество детей подвергается сексуальным злоупотреблениям, совершаемым родственниками и теми, кто об этих детях заботится, впервые прослеживается в середине 1970-х]”, Clinical Intervention in Child Sexual Abuse, S.M. Sgroi.

(abstract) к их публикации. Итогом данной работы должен стать объективный взгляд на проблему, основанный на научных данных.

Определение и общие сведения

Начать обсуждение следует с определения термина «педофил». Если допытываться у обывателя, что же это за субъект, то обыватель, скорее всего, ответит, что это тот, кто насилует детей. Подобное определение, однако, очень далеко от научного. В то время как закон имеет дело с действиями по факту; сексология имеет дело с влечением, т.е. психическим представлением соматического раздражения. Именно та или иная организация влечения дает нам право называть кого-то соответствующим научным термином. В общем виде педофил – это человек, чьим единственным или сильно преобладающим долгое время сексуальным влечением является такое влечение, которое требует в качестве объекта ребенка. Возраст объекта этого влечения не имеет никакого значения (влечение интересуется определенными признаками – внешними, поведенческими и т.д., а не датой в паспорте).³ Определения разнятся, но все они в той или иной форме отражают эту идею; отличия заключаются в уточняющих обстоятельствах, определениях ребенка.

М. Steto определяет педофилию как “a persistent sexual interest in prepubescent children [устойчивый сексуальный интерес к детям допубертатного возраста.]”⁴ К.V. Lanning определяет педофила так: “a significantly older individual who prefers to have sex with individuals legally considered children [значительно более взрослый индивид, предпочитающий половые сношения с лицами, являющимися в правовом отношении детьми.]”⁵ Очевиден конфликт этих двух определений, т.к. первое обращает внимание на отсутствие признаков полового созревания, а второе включает в список объектов педофильного влечения лиц, не достигших возраста согласия.

Строго говоря, правового определения педофила не существует и не применяется.⁶ Обратимся к МКБ-10 (ICD-10) с целью получить *медицинское* определение, с которым согласно большинство специалистов. Под кодом F65.4 значится педофилия, которая относится к блоку расстройств личности и поведения в зрелом возрасте класса психических расстройств и расстройств поведения и определяется как “a sexual preference for children, boys or girls or both, usually of prepubertal or early pubertal age. [предпочтение детей – мальчиков, девочек или детей обоих полов – обычно допубертатного или раннепубертатного возраста в качестве сексуальных

---

³ Путаница с определениями и то, как она затрудняет изучение этиологических аспектов педофилии, обсуждается в Ames, Houston “ Legal, social, and biological definitions of pedophilia”

⁴ M.C. Steto “Pedophilia and sexual offending against children: Theory, assessment, and intervention”

⁵ K.V. Lanning “Cyber “Pedophiles:” A Behavioral Perspective”

⁶ C.W. Ryan, R.C.W. Hall “A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues”

объектов.]”⁷ В DSM-IV (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders – американское руководство по диагностике и статистике психических расстройств) педофилом называется человек, который сексуально фантазирует о детях, которого сексуально возбуждают дети или который испытывает побуждения к сексуальным действиям с лицами допубертатного возраста на протяжении 6 или более месяцев при условии, что ему есть хотя бы 16 лет, а объекты его влечения младше его хотя бы на пять лет.⁸ Как видно, определения говорят об организации влечения, а не о том, совершает лицо те или иные действия или нет.

Несмотря на то, что по большей части сегодня педофилия определяется как болезнь или расстройство, вопрос о том, считать ли педофила больным или здоровым, решить очень непросто. Статистическая норма, как, разумеется, и моральная никак не могут служить основанием для определения медицинской нормы. Обычно в медицине болезненным, патологичным называют такое состояние или процесс, которые а) причиняют страдание индивиду как таковому, б) снижают жизнеспособность индивида. Ясно, почему перелом ноги есть разновидность нездоровья. Однако когда речь заходит о тех или иных организациях сексуального влечения, то тут вопрос о критерии психиатрической и сексологической нормы встает особо. Если строго держаться выше данного общемедицинского критерия, то ни педофила, ни некрофила, ни садиста, ни гомосексуально ориентированного индивида нельзя назвать больными. Гомосексуально ориентированного человека можно будет зачислить в больные, только прибавив к определению патологии дисфункцию (неспособность зачать потомство), но это породит ряд еще более трудных дополнительных вопросов. А как быть с экстремальным мазохистом или асфиксифилом? Их влечения снижают их жизнеспособность, ведут к увечьям, причиняют боль, однако для них они – пререквизит к получению удовольствия. Больны ли они? Следует ли нам закрепить примат критерия снижения жизнеспособности над критерием причинения состоянием или процессом мучений как такового? Эти вопросы и целый ряд других как нельзя лучше показывают, как тяжело реализовать общемедицинский критерий нормы в области психиатрии и сексологии. Разброс среди исследователей по данным вопросам очень велик; многие авторы выделяют разные виды норм (личную, партнерскую и т.д.), некоторые держатся той идеи, что любая сексуальная норма – есть продукт социальной жизни и общественного сознания и не связана с какими-то аспектами объективной реальности.⁹ Кроме того, было бы странно, если бы гастроэнтерологическая норма варьировала от континента к континенту и от эпохи к эпохе, почему же сексуальная должна? Из огромных массивов опытных данных антропологии мы узнаем, что даже самые дикие (с нашей точки зрения) формы сексуальных практик являются веками устоявшейся культурной нормой в других местах. Можно ли целые культуры называть больными? Могут ли состоящие из одних больных людей

---

⁷ ICD-10 as provided by the WHO website // <http://apps.who.int/classifications/apps/icd/icd10online/?gf60.htm+f654>

⁸ American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Revised 4th ed. Washington, DC: American Psychiatric Association; 2000.

⁹ Не только в области сексологии, но и вообще в рамках медицинской практики понятие болезни (патологии) не имеет четкого общего определения. См., например, H. Merskey “Variable Meanings for the Definition of Disease”: “It is argued that there is no agreed definition of disease. Purely biological definitions are inadequate and combined biological and social definitions are not yet satisfactory”.

сообщества существовать веками? Могут ли одни и те же сексуальные действия быть по медицинским меркам здоровьем и болезнью в зависимости от страны, времени? Я не могу дать ответа на эти вопросы; я лишь обозначаю проблемы, связанные с признанием тех или иных организаций человеческого либидо патологическими. Только обывателю кажется, что педофил или некрофил, конечно, больны – в его сознании понятие медицинской нормы подменено понятием моральной нормы, статистической нормы, эстетической нормы; он не мирится с идеей о том, что что-то омерзительное, редкое, предосудительное может быть нормальным. В силу всех этих технических сложностей, я воздержусь от решения вопроса о том, является ли педофилия разновидностью нормы или нет.¹⁰ Среди работ, которые содержат подробный обзор антропологических данных (которые должны представляться борющимся с педофилами несказанно шокирующими) о педосексуальных действиях, следует особо выделить статью Г.Б. Дерягина¹¹. Другие авторы¹² также уделяют антропологическим данным большое внимание.

Оставляя вопрос о патологичности педофилии, следует отметить, что если признаки полового созревания у объекта влечения наличествуют, то влечение взрослого индивида к такому созревающему ребенку – совершенно здорово. Если возраст, неопытность или слабая степень выраженности признаков полового созревания все же имеют значение для половозрелого индивида, испытывающего влечение, то речь идет о варианте сексуального предпочтения – эфебофилии, которая не выделяется в самостоятельную нозологическую единицу. Мужчина, испытывающий влечение к 15-летней девушке, демонстрирующей признаки полового созревания, или вступающий с ней в половой контакт, никак не может быть назван больным; однако ясно, что СМИ немедленно навесят ярлык «педофил» на этого мужчину. В сущности, создается впечатление, что само слово «педофил» чаще всего всплывает именно в тех ситуациях, когда речь идет о половых контактах между половозрелыми взрослыми людьми и подростками, которые явно отличаются от детей тем, что находятся в состоянии полового созревания. Попросту говоря, речь идет или о здоровой с медицинской точки зрения половой связи обычных здоровых людей, в частности о здоровом же предпочтении в форме эфебофилии. К педофилии это не имеет отношения.

Нет никаких четких границ между педофилом и не-педофилом; законодатель пытается сказать, что эта граница существует в форме «возраста согласия», однако, этот возраст варьирует очень сильно от страны к стране и от штата к штату, так что тот, кого в США СМИ окрестят педофилом и маньяком-извращенцем не привлечет к себе никакого внимания в Испании.¹³ Что касается самого влечения, то оно не дискретно ни по каким значениям параметров своего

---

¹⁰ Следует отметить, что некоторые эксперты называют педофилию сексуальной ориентацией. См., например, R. Millette “Pedophilia a ‘sexual orientation’ experts tell Parliament” // <http://www.lifesitenews.com/news/pedophilia-a-sexual-orientation-experts-tell-parliament/>

¹¹ Г.Б. Дерягин «Педофилия» (авторская редакция 2011 г.)

¹² Смотри, например, R. Green “Is Pedophilia a Mental Disorder?”

¹³ Таким образом, сам запрет в форме возраста согласия – пример *mala prohibita*.

объекта: существует бесконечное количество возможных градаций, поэтому четко отделить – даже в медицинском, научном смысле – педофила от эфебофила не представляется возможным.¹⁴

В связи с определением следует рассмотреть связь между педофилами (pedophiles) и теми, кто совершает те или иные педосексуальные действия (child molesters, child abusers [домогающимися детей, злоупотребляющими детьми (в т.ч. сексуально)]).

Является ли лицо, совершившее *педосексуальные действия* педофилом, или нет – вопрос, который должен решаться в каждом отдельном случае. Можно быть педофилом, но не совершать никаких педосексуальных действий, можно совершать их и не быть педофилом. Исследования говорят об этом прямо: “Research on the assessment¹⁵ of pedophiles has undoubtedly been complicated by the fact that not all pedophiles are child molesters and not all child molesters are pedophiles. [Исследование педофилов, несомненно, затрудняется тем обстоятельством, что не все педофилы домогаются детей, и не все лица, домогающиеся детей, являются педофилами.]”¹⁶ Аналогично и в другой статье читаем: “Contrary to popular belief, not all sex offenders who target children are pedophiles, and not all pedophiles commit sexual offenses. [Вопреки популярному мнению, не все сексуальные преступники, выбирающие детей в качестве жертв, являются педофилами, и не все педофилы совершают сексуальные правонарушения.]”¹⁷ В общем виде это относится к любым сексуальным действиям извращенного характера: «Извращение полового влечения, как это видно будет из нижеследующего, не должно быть смешиваемо с извращенностью половых действий, так как последняя может быть обусловлена и не психопатологическими условиями. Конкретное извращенное действие, как бы чудовищно оно ни было, еще ничего не доказывает. Для того чтобы отличить болезнь (извращение) от порока (извращенность), нужно рассмотреть всю личность данного индивида и мотивы его извращенного действия: в этом именно и заключается ключ к диагностике».¹⁸ Множество педофилов и множество совершающих педосексуальные действия людей, таким образом, пересекаются лишь частично. Причин совершения педосексуальных действий не-педофилом может быть масса: алкогольная интоксикация, врожденный умственный дефект, пресыщение привычным сексуальным объектом и жажда разнообразия, замена привычного объекта ребенком в качестве хоть и малоценного, но субститута для удовлетворения¹⁹, месть родственнику ребенка²⁰, удобная или побуждающая ситуация²¹ и т.д. и т.п. «К сожалению, приходится сознаться, что немалая доля подобных преступлений, и притом как раз наиболее отвратительные из них, совершается не душевнобольными, а здоровыми людьми, забывающими свое

---

¹⁴ P. Jenkins “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”, P.25

¹⁵ Имеется в виду плетизмография (метод измерения тумесценции).

¹⁶ Fabian M. Saleh, Albert J. Grudzinskas, John M. Bradford, M.D., Daniel J. Brodsky “Sex Offenders: Identification, Risk Assessment, Treatment, and Legal Issues”

¹⁷ M.C. Steto “Pedophilia and sexual offending against children: Theory, assessment, and intervention” а также K.V. Lanning “Cyber “Pedophiles:” A Behavioral Perspective”

¹⁸ Р. Краффт-Эбинг «Половые психопатии»

¹⁹ K.V. Lanning “Cyber “Pedophiles:” A Behavioral Perspective”

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

человеческое достоинство под влиянием пресыщения естественными половыми сношениями, уродливого сладострастия, огрубения, а подчас и опьянения».²² «Насильственные преступления против сексуальной неприкосновенности детей чаще всего совершают не педофилы, а лица с преимущественно садистскими сексуальными потребностями: сексуальные садисты, сексуальные убийцы, а также просто фрустрирующие садисты, для которых обычно не важен ни возраст, ни пол жертвы, даже не важен биологический вид – человек или животное».²³ Типизации лиц, совершающих педосексуальные действия, обычно выделяют два типа: собственно педофилы и не-педофилы, совершившие педосексуальные действия. Педофилов возбуждают исключительно дети, в то время как остальных также привлекают и половозрелые люди.²⁴ Исследование 2429 лиц, совершавших педосексуальные действия, показало, что только 7% из них характеризовались собственно педофилией²⁵; остальные испытывали влечение также к половозрелым людям. Стоит, однако, заметить, что, по некоторым данным²⁶, среди лиц, совершающих те или иные педосексуальные действия, собственно педофилы ответственны за большую долю подобных действий, чем не-педофилы.

Некоторые исследователи видят в сексуальном использовании детей проблему, куда большую, чем просто сексуальную, и рассматривают ее как проблему отношения и силы между взрослым и ребенком, видя в сексуальном аспекте нечто вторичное: “the perpetrator, in all likelihood, is sexually abusing the child in order to meet nonsexual needs. [Злоумышленник, по всей вероятности, сексуально злоупотребляет ребенком с целью удовлетворения несексуальных потребностей.]”²⁷

В каждом отдельном случае следует выяснять мотивацию и медицинский статус лица, совершающего те или иные действия. Современная практика навешивания ярлыка «педофил» по поводу и без повода выглядит жесточайшей профанацией научной терминологии, логики и здравого смысла. В той или иной форме это отмечает большая часть исследователей.

Примерно у 20-22% взрослых гетеросексуальных мужчин и 2.8-4% женщин обнаруживается определенная сексуальная реакция на маленьких детей.²⁸ Верно, что ее сила убывает по мере снижения возраста ребенка, а также то, что она меньше силы реакции на взрослых людей. Приходится признать, что примерно каждый пятый взрослый мужчина и

---

²² Р. Краффт-Эбинг «Половые психопатии»

²³ Г.Б. Дерягин «Педофилия» (в авторской редакции 2011 г.)

²⁴ Fabian M. Saleh, Albert J. Grudzinskas, John M. Bradford, M.D., Daniel J. Brodsky “Sex Offenders: Identification, Risk Assessment, Treatment, and Legal Issues” содержит неплохой обзор исследований на данную тему.

²⁵ G.G. Abel, N. Harlow “The Abel and Harlow child molestation prevention study. Excerpted from The Stop Child Molestation Book”

²⁶ Hall, MD, Ryan C. W.; Richard C. W. Hall, MD, PA. "A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues"

²⁷ S.M. Sgroi “Clinical Intervention in Child Sexual Abuse”, Conceptual Framework

²⁸ Smiljanich, Kathy, Briere, John “Self-Reported Sexual Interest in Children: Sex Differences and Psychosocial Correlates in a University Sample”; J. Briere, M. Runtz “University males' sexual interest in children: Predicting potential indices of “pedophilia” in a nonforensic sample”; M. Freel “Child Sexual Abuse and the Male Monopoly: An Empirical Exploration of Gender and a Sexual Interest in Children”.

примерно три-четыре женщины из каждой сотни сексуально не равнодушны к детям; но у них влечение к ним не является преобладающим и обычно не приводит к совершению каких-то конкретных действий. Таким образом, при сравнительной редкости педофилов в медицинском смысле сам по себе сексуальный интерес к детям без соответствующих действий представлен довольно широко среди здоровых половозрелых людей. “Though pedophiles are often dismissed as a tiny, aberrant minority, their fascination with childhood sexual fantasies and experiences may be quite widely shared, though to a far milder degree. [Хотя педофилами часто пренебрегают как незначительным, отклоняющимся меньшинством, их увлеченность детскими сексуальными фантазиями и ощущениями, очень вероятно, разделяется весьма большим количеством людей, хотя и в значительно меньшей степени.]”²⁹

Что же касается влечения взрослых людей к подросткам, которые биологически уже не являются детьми, но считаются таковыми по закону, то нет никакой нужды отыскивать свидетельства огромному спросу на подростковую сексуальность: количество порнографии, посвященной имитации образа школьницы, девственницы и т.д. зашкаливает, и каждый потребитель порнографии сталкивается с этим постоянно.

Также следует помнить о том, что множество педофилов-насильников, а уже тем более сексуальных убийц детей, является очень малой частью что множества педофилов, что множества людей, совершающих педосексуальные действия. Ассоциировать педофила с насильником так же странно и неоправданно, как ассоциировать с насильником обычного взрослого гетеросексуально ориентированного мужчину.³⁰ В большинстве случаев педофилы не предпринимают насильственных действий, а преподносят свои действия в форме игры, без принуждения: «Чаще всего педофилы ограничиваются прикосновениями, ласками, шлепками по ягодицам, показом порнографических картинок или беседами на эротические темы».³¹ Это же констатируют другие исследователи.³² Более точные данные дает Finkelhor: “The largest category of abuse in most studies involves groping or fondling of children’s bodies on top of or underneath the clothing. Only 16-29 percent of the abuse involves intercourse or attempted intercourse. [Наиболее часто совершаемыми действиями, согласно большинству исследований, являются ощупывания и ласки детей через одежду или под нею. Только в 16-29% случаев злоупотребление заключается в совершении полового сношения или попытке такового.]”³³ Нельзя отрицать насильственный характер действий определенного количества лиц, совершающих педосексуальные действия, вне

---

²⁹ P. Jenkins “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”

³⁰ Расхожие и неверные определения педофилии и их использование вносят существенную путаницу в изучение проблемы, смешивая различные группы правонарушений, см. Ames, Houston “ Legal, social, and biological definitions of pedophilia ”

³¹ Д. Еникеева «Сексуальные извращения»; также S.M. Sgroi “Clinical Intervention in Child Sexual Abuse”, A Conceptual Framework

³² J.B. Murray “Psychological profile of pedophiles and child molesters”. J Psychol. 2000, A.K. Fuller “Child molestation and pedophilia: an overview for the physician”, L.J. Cohen, I.I. Galynker “Clinical features of pedophilia and implications for treatment”

³³ David Finkelhor “Child Sexual Abuse”

зависимости от того, педофилы они или нет; однако неверно заведомо считать все педосексуальные действия насильственными, жестокими или принудительными.

Ассоциировать педофила исключительно с человеком мужского пола неоправданно, существует определенное количество женщин-педофилов и женщин, совершающих педосексуальные действия, как и женщин, характеризующихся эфебофилией. Среди выявленных людей, совершавших педосексуальные действия, женщины составляют не более 5% от общего числа случаев, где объектом выступала девочка, и около 20% случаев, где объектом выступал мальчик.³⁴ Некоторые авторы отмечают, что количество женщин-педофилов и женщин, совершающих педосексуальные действия, вероятно, недооценено.³⁵ Ассоциировать педофила с маньяком, скитающимся по улицам в поисках жертв также нет никаких оснований: «Чаще всего совратители детей являются их знакомыми, родственниками или даже членами семьи (например, отчим или сводный брат)».³⁶ Другие авторы также отмечают это: “Fifty percent of offenses committed against children younger than 6 years were committed by a family member, as were 42% of acts committed against children 6 to 11 years old. [50% правонарушений против детей моложе 6 лет совершались членами их семей, как и 42% правонарушений против детей в возрасте от 6 до 11 лет.]”³⁷ “Actually, 93% of child sexual abusers are well known to their victims (Berliner, Schram, Miller, & Milloy, 1995; Bureau of Justice Statistics, 2000); about 34% are family members and 59% are acquaintances (Bureau of Justice Statistics, 2000) [93% людей, сексуально злоупотребляющих детьми, хорошо известны своим жертвам; около 34% из них – члены семьи, а 59% – знакомые.]”³⁸

Что касается множества людей, совершающих педосексуальные действия, то многие из них никак не могут подпасть под определение педофила, т.к. им еще нет 16 лет и/или не выполняется критерий пяти лет разницы в возрасте. Из всех педосексуальных действий, совершаемых с детьми до 12 лет, около 40% совершаются *подростками*; чаще всего это делают лица в возрасте около 14 лет.³⁹ Таким образом, неверно всегда ассоциировать лицо, совершающее педосексуальные действия, с взрослым человеком.

Замечательный обзор результатов научных исследований педофилов и педосексуальных действий дан в работе С.В. Ryan, R.C.W. Hall “A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues”, содержащей ссылки на 117 других статей и монографий.

---

³⁴ David Finkelhor “Child Sexual Abuse”

³⁵ Lisa J. Cohen, PhD and Igor Galynker “Psychopathology and Personality Traits of Pedophiles”

³⁶ Д. Еникеева «Сексуальные извращения»; также S.M. Sgroi “Clinical Intervention in Child Sexual Abuse”, A Conceptual Framework

³⁷ H.N. Snyder “Sexual Assault of Young Children as Reported to Law Enforcement: Victim, Incident, and Offender Characteristics”. Washington, DC: US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics; 2000.

³⁸ Stacey Katz-Schiavone “Myths and Facts About Sexual Violence: Public Perceptions and Implications for Prevention”

³⁹ H.N. Snyder “Sexual Assault of Young Children as Reported to Law Enforcement: Victim, Incident, and Offender Characteristics”. Washington, DC: US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics; 2000

Controversy

В общественном сознании прочно укоренились некоторые воззрения, касающиеся педофилов, детской порнографии и борьбы с этими явлениями. Ниже перечислены самые основные из них:

1. Количество педофилов быстро увеличивается, педофилия быстро распространяется, несмотря на усилия по борьбе с нею.
2. Любые действия педофилов всегда наносят ребенку серьезную травму, влекущую непоправимые последствия для психики.
3. Злоумышленники производят в промышленных масштабах детское порно, насилая и растлевая детей, и продают его на черном рынке, зарабатывая миллиарды долларов; количество детской порнографии быстро возрастает.
4. Производство, хранение и распространение детской порнографии должно быть незаконно во всех случаях; это также верно относительно симулированной детской порнографии⁴⁰ и всего, что можно истолковать как таковую.
5. Детская проституция процветает и активно распространяется.
6. Дети невинны и асексуальны; ребенок может являться только объектом – но никогда субъектом сексуального влечения.
7. Ребенком считается любое лицо, не достигшее «возраста согласия».
8. Дети по природе наивны, незрелы и в принципе не могут распоряжаться своим телом, не могут соглашаться на определенные действия или принимать решения до возраста согласия, достигнув которого они могут вступать в половые сношения сознательно и обдуманно; возраст согласия – необходимый элемент регулирования сексуальных отношений в обществе.
9. В борьбе с педофилами хороши любые (а особенно крайне жестокие) средства.
10. Любой, кто выражает сомнения в верности этих воззрений, должен быть заподозрен в педофилии и производстве детской порнографии, т.к. каждому нормальному человеку не придет в голову сомневаться в вышеприведенных высказываниях.

Теперь рассмотрим приведенные выше тезисы, активно поддерживаемые симпатизирующими борьбе с педофилией и детской порнографией людьми. Относительно каждой идеи попробуем установить, имеет ли она свидетельства в свою пользу и насколько она лежит в согласии с научными данными.

- 1) «Количество педофилов быстро увеличивается, педофилия быстро распространяется, несмотря на усилия по борьбе с нею».

---

⁴⁰ Имеются в виду любые изображения, видео и прочие продукты, в которых фигурируют напоминающие детей рисованные персонажи притом, что реальные дети или подростки никак не вовлечены в производство этих продуктов.

Сколько мы можем судить, борющиеся с педофилами не предоставляют непротиворечивых и убедительных академических свидетельств в пользу идеи о том, что педофилов в медицинском смысле стало больше за последние десятилетия; единственное, что они предоставляют, так это статистику, свидетельствующую об увеличивающемся количестве выявленных педосексуальных действий и о количестве осужденных по различным статьям о педофилии и детской порнографии. Однако даже если реально растёт количество педосексуальных действий, это еще *per se* ничего не сообщает об изменении количества педофилов. Еще более существенно то, что год от года постоянно меняется законодательство (особенно в западных странах), а также критерии в рамках создаваемых прецедентов, поэтому статистика относительно числа осужденных от года к году становится не сопоставимой и нуждается, чтобы сохранить силу, в соответствующих поправках, о которых не идет речи. СМИ и правоохранительные органы констатируют увеличение контингента тюрем в связи с деятельностью по борьбе с педофилами и детской порнографией; о реальном количестве педосексуальных действий или педофилов это мало что сообщает. В научном отношении идея о том, что количество педофилов выросло во много раз, выглядит не менее гипотетичной, чем идея о том, что количество некрофетишистов или апотемнофилов выросло во много раз. Бремя предоставления свидетельств в пользу подобных высказываний возлежит всецело на утверждающих это – как и во всех остальных случаях, в согласии с принципами логики и научного познания. Крайне резкое увеличение случаев *child sexual abuse* [сексуальных злоупотреблений детьми] в США в начале 1980-х годов, о котором часто говорят, очень вероятно, показывает лишь, что выросла та *часть*, вероятно, не меняющегося от времени количества педосексуальных действий, которая попала в поле зрения, т.к. этими вещами заинтересовались.⁴¹ Сама доля педосексуальных действий от общего числа вообще всяких сексуальных действий, скорее всего, не меняется существенно со временем. С повышением интереса к этой теме в начале 1980-х годов просто *большая часть* этой доли стала попадать привлекать внимание правоохранительных органов. Одно из исследований прямо обнаруживает, что частота (*prevalence*) педосексуальных действий не изменилась с 1960-х годов.⁴² Автор также замечает, что оценки количества этих действий могут очень сильно различаться в зависимости от определений и методов. Педосексуальные действия, также как и педофилы, обнаруживаются на протяжении всей человеческой истории. Об этом свидетельствуют многочисленные факты из истории, в частности истории порнографии⁴³, а также и из медицинских и прочих источников.⁴⁴

---

⁴¹ David Finkelhor “Child Sexual Abuse”

⁴² N. McConaghy “Paedophilia: a review of the evidence”

⁴³ Addams “A New Conscience and an Ancient Evil”; H. Hyde “A History of Pornography”; D. Pivar “Purity Crusade, Sexual Morality and Social Control”

⁴⁴ Смотри, например, Ш. Ференци «Путаница языков взрослых и ребенка»

Обсуждая проблему оценок истинных масштабов изучаемых явлений, S.D. Peters, G.E. Wyatt и D. Finkelhor констатируют факт большой путаницы и противоречивости в оценках 1980-х годов, на которые пришелся первый расцвет общественного внимания к этой теме.⁴⁵ Надо отдать должное данной группе авторов: они со всей академической добросовестностью проделали очень тщательную работу, создав крайне неплохой обзор имевшихся на 1985 год оценок масштабов проблемы и, что много важнее, обрисовав методологические проблемы, с ними связанные. Современные исследования в основном посвящены попыткам оценки частоты педосексуальных действий, т.к. оценить собственно количество педофилов едва ли представляется возможным в силу самых разных причин (начиная с того, что они не всегда предпринимают какие-либо действия).⁴⁶ Что касается современных данных о количестве педосексуальных действий, то согласно одним оценкам, около 32% женщин и 15.6% процентов мужчин вспоминают о каком-либо “unwanted sexual contact [нежеланном сексуальном акте]”, имевшем место до того, как им исполнилось 17 лет.⁴⁷ Из исследованных женщин, 6.8% подвергались действиям, продолжавшимся более недели.⁴⁸ По другим данным, 17-31% женщин и 7-16% мужчин испытали подобное в возрасте до 18 лет.⁴⁹ Схожие оценки предлагает ВОЗ.⁵⁰

Подводя итог в данной секции, отметим следующее:

- a) Оценить количество педофилов едва ли вообще представляется возможным в силу того, что в поле зрения попадают люди, совершающие те или иные действия, а не характеризующиеся тем или иным влечением.
- b) Оценить количество педосексуальных действий и сексуальных действий, совершаемых с подростками, также тяжело, т.к. правовые определения ребенка, смешивающие подростков и детей, препятствуют разделению педосексуальных и эфебофильных действий.
- c) При сравнительно большой установленной частоте педосексуальных действий и сексуальных действий с подростками, тяжело установить *долю вредных и травматичных* действий среди них⁵¹ в силу целого ряда причин: разнообразие мотивов и категорий лиц, совершающих подобные действия (среди которых есть и сами подростки), степень принуждения, степень насильственности, характер самих этих действий, их длительность и вероятность возобновления и т.д.

---

⁴⁵ D. Finkelhor, S. Araki “A Sourcebook on Child Sexual Abuse”, Chapter I Prevalence

⁴⁶ R. Blanchard, M.S. Watson. A. Choy “Pedophiles: mental retardation, maternal age, and sexual orientation”

⁴⁷ Bagley C. “The prevalence and mental health sequels of child sexual abuse in a community sample of women aged 18 to 27”

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ N. McConaghy “Paedophilia: a review of the evidence”, C.F. Johnson “Child sexual abuse”

⁵⁰ <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs150/en/>

⁵¹ См. следующую секцию.

d) Невозможно однозначно судить об изменении количества педофилов как и количества педосексуальных действий или сексуальных действий с подростками с течением времени; идея о том, что количество этих вещей сильно возросло, не находит однозначных и достаточных академических свидетельств и сопряжена с едва ли преодолимыми методологическими трудностями; есть основания полагать, что количество педофилов и педосексуальных действий очень мало изменилось за последние полвека.

2) «Любые действия педофилов всегда наносят ребенку серьезную травму, влекущую непоправимые последствия для психики».

Само понятие психической травмы очень размыто. Часто, по-видимому, слово «травма» используется здесь фигурально или в каком-то другом смысле: имеется в виду, что ребенок приобретает различные психические проблемы в результате педосексуальных действий. Эта идея имеет многочисленные клинические подтверждения, список перечисляемых симптомов часто крайне широк.

Spataro и Mullen демонстрируют корреляцию между педосексуальными действиями и последующей высокой частотой (в сравнении с не имевшими подобного сексуального опыта) психических расстройств.⁵² Большая часть исследований 1980-х годов сходится в том, что причиняемый психике ребенка вред ярче всего выражен в случаях с насильственными, принудительными действиями, а также при инцестуозных педосексуальных отношениях с участием отца или отчима.⁵³ Однако авторы одной из статей 1989 года, обсуждающей имевшиеся на тот момент исследования и их методологические проблемы, замечают: “The high prevalence of marital breakdown and psychopathology among parents of children who are sexually abused makes it difficult to determine the specific impact of sexual abuse over and above the effects of a disturbed home environment. Given the broad range of outcome among sexual abuse victims, as well as the methodological weaknesses present in many of the studies reviewed, it is not possible at this time to postulate the existence of a “post-sexual-abuse-syndrome” with a specific course or outcome. [Высокая частота разводов и психопатологий, наблюдающихся у родителей, чьи дети подвергаются сексуальным злоупотреблениям, крайне затрудняет определение последствий собственно сексуальных действий, т.к. их воздействие трудно отделить от воздействия нездорового семейного климата. В виду широкого спектра возможных исходов, а также методологических проблем, обнаруживающихся в изрядной части рассмотренных исследований, на данный момент представляется невозможным говорить о существовании «синдрома пережитого сексуального злоупотребления» с

---

⁵² J. Spataro, P. Mullen “Impact of child sexual abuse on mental health. Prospective study on males and females”

⁵³ См. Например Joseph H. Beitchman, Kenneth J. Zucker, Jane E. Hood, Granville A. DaCosta, Donna Akman, Erika Cassavia “A review of the long-term effects of child sexual abuse”; Finkelhor, Browne “Impact of child sexual abuse: A review of the research”

конкретным набором последствий.]»⁵⁴ Одна из статей 1984 года обнаруживает, что мальчики 10-16 лет, вовлекавшиеся в педосексуальные отношения со взрослыми мужчинами, по большей части положительно оценивали свой опыт и не считали произошедшее с ними злоупотреблением.⁵⁵ Следует, Однако, отметить небольшой размер исследованной выборки (n=25).

С появлением в 1990-х более детальных исследований, мнение академического сообщества несколько изменилось. Крупное метааналитическое исследование 1998 года⁵⁶, выполненное Rind и Tromovitch (APA), пришло к заключениям, находившемся в остром противоречии с уже сложившимся к тому моменту общественным восприятием проблемы. Это исследование было в известной степени спровоцировано драконовским законодательством в США (CPPA of 1996), а когда оно вышло, то американский Конгресс специально собрался для того, чтобы подвергнуть его авторов остракизму и объяснить, почему они не могут быть правы (!).⁵⁷ В аннотации читаем: “Meta-analyses revealed that students with CSA⁵⁸ were, on average, slightly less well adjusted than controls. However, this poorer adjustment could not be attributed to CSA because family environment (FE) was consistently confounded with CSA, FE explained considerably more adjustment variance than CSA, and CSA-adjustment relations generally became nonsignificant when studies controlled for FE. Self-reported reactions to and effects from CSA indicated that negative effects were neither pervasive nor typically intense, and that men reacted much less negatively than women. The college data were completely consistent with data from national samples. Basic beliefs about CSA in the general population were not supported. [Метаанализ показал, что студенты, подвергавшиеся сексуальным злоупотреблениям, оказывались в среднем чуть хуже социально адаптированными, чем члены контрольной группы. Тем не менее, этот факт нельзя относить на счет сексуальных злоупотреблений, т.к. семейный климат крайне сильно смешан⁵⁹ с ними и объясняет значительно большую часть вариации в уровне социальной адаптированности. Связь между сексуальными злоупотреблениями и социальной адаптацией становится незначительной⁶⁰ при учете влияния семейного климата. Описанные самими студентами реакции на сексуальные действия, как влияние этих действий не обнаруживают глубоких или ярко выраженных последствий. Мальчики демонстрируют намного менее отрицательные реакции, чем

---

⁵⁴ Joseph H. Beitchman, Kenneth J. Zucker, Jane E. Hood, Granville A. daCosta, Donna Akman “A review of the short-term effects of child sexual abuse”

⁵⁵ T.G.M. Sandfort “Sex in pedophilic Relationships: An empirical Investigation Among a Nonrepresentative Group of Boys”

⁵⁶ Bruce Rind, Philip Tromovitch “A meta-analytic examination of assumed properties of child sexual abuse using college samples”

⁵⁷ H. Wakefield “The Effects of Child Sexual Abuse: Truth versus Political Correctness”.

⁵⁸ Имеется в виду Child Sexual Abuse

⁵⁹ В данном случае “confound” означает смешивание факторов в статистическом анализе.

⁶⁰ По всей вероятности, имеется в виду падение устанавливаемой с помощью t-теста статистической значимости (statistical significance) оцененного коэффициента уравнения регрессии при добавлении дополнительного предиктора.

девочки. Эти данные, полученные при изучении студентов университетов, находятся в согласии с данными, полученными при изучении общенациональных выборок. Воззрения относительно (последствий) сексуальных злоупотреблений детьми во всей генеральной совокупности не подтвердились.]” Исследование этих же авторов за 1997 год отмечает, что у 11% девочек и 37% мальчиков изначальная реакция на педосексуальные действия была положительной.⁶¹ Авторы статьи за 1993 год заключают: “Some symptoms were specific to certain ages, and approximately one-third of victims had no symptoms. Penetration, the duration and frequency of the abuse, force, the relationship of the perpetrator to the child, and maternal support affected the degree of symptomatology. About two-thirds of the victimized children showed recovery during the 1st 12–28 mo. The findings suggest the absence of any specific syndrome in children who have been sexually abused and no single traumatizing process. [Некоторые симптомы оказываются характерными для определенных возрастных групп; примерно треть жертв не имеет никаких симптомов. Пенетрация, продолжительность и частота злоупотреблений, степень принуждения, отношения между правонарушителем и ребенком, а также материнская поддержка оказывают влияние на степень выраженности симптомов. Около двух третей подвергшихся сексуальным злоупотреблениям детей возвращаются в нормальное, здоровое состояние в течение первых 12-28 месяцев. Данные свидетельствуют об отсутствии конкретного синдрома или единого травматического процесса у таких детей.]”⁶²

Исследование 2001 года сообщает: “Although victims typically suffer from sexual abuse, surprisingly, some evidence suggests that victims of sexual abuse can exhibit neutral or even positive outcomes, a controversial finding that has numerous possible explanations. [Хотя обычно жертвы страдают от сексуальных злоупотреблений, как это ни удивительно, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что жертвы сексуальных злоупотреблений могут демонстрировать нейтральные и даже положительные реакции – неоднозначный факт, который имеет множество потенциальных объяснений.]”⁶³ Исследование 1998 года замечает: “most boys do not consider their prepubertal experiences with older women abusive. [Большинство мальчиков не расценивает допубертатные сношения со старшими женщинами как злоупотребления.]”⁶⁴

Авторы работы 2007 года замечают: “The specific long-term effects on abused children as they grow into adulthood are difficult to predict. Some individuals adapt and have a higher degree of resilience, whereas others are profoundly and negatively changed. [Некоторые из них адаптируются к социальной жизни и отличаются сравнительно более

---

⁶¹ Bauserman, R., & Rind, B. “Psychological correlates of male child and adolescent sexual experiences with adults: A review of the nonclinical literature”.

⁶² Kendall-Tackett, Kathleen A., Williams, Linda M., Finkelhor, David “Impact of sexual abuse on children: A review and synthesis of recent empirical studies”

⁶³ D.S. Bromberg, B.T. Johnson “Sexual interest in children, child sexual abuse, and psychological sequelae for children”

⁶⁴ N. McConaghy “Paedophilia: a review of the evidence”

высоким уровнем устойчивости к внешним воздействиям, в то время как другие приобретают глубокие негативные изменения.]”⁶⁵ Авторы отмечают, что нельзя сбрасывать со счетов некоторый набор установленных корреляций педосексуальных действий с впоследствии обнаруживаемыми расстройствами разного рода. Дети, которые были вовлечены в педосексуальные действия, с большей вероятностью характеризуются депрессией⁶⁶, склонностью к употреблению алкоголя⁶⁷, а также трудностями в интимной жизни во взрослом возрасте⁶⁸ и многими другими симптомами, чем те, с кем этого не случилось. Однако наличие других потенциальных объяснений этих последних явлений, а также методологические трудности препятствуют уверенным суждениям о причинно-следственной связи. Это особенно хорошо видно на примере того факта, что дети, вовлекавшиеся в педосексуальные действия, имеют больше шансов быть безработными во взрослой жизни⁶⁹; сами исследователи обсуждают всю сложность суждений о причинности в данной ситуации.⁷⁰

Как видно из приведенных научных работ, вопрос о долгосрочных последствиях педосексуальных сношений для психики детей оказался остро политическим, а мнение академического сообщества изменилось с полного отрицания возможности положительных влияний педосексуальных действий на детей (Sgroi⁷¹) до существенных сомнений в том, причиняют ли они *всегда* заметный вред; даже если вред после педосексуальных действий наличествует, то не ясно, в какой степени он *причинно обусловлен* педосексуальными действиями, а не прочими семейными обстоятельствами или другими факторами. Любому добросовестному исследователю известно, как сложно перейти от констатации корреляции к суждению о причинности, и, конечно, корреляция во времени сама по себе о причинности никогда ничего сообщает. Отдельные исследования не обнаружили никаких отрицательных воздействий у изрядной доли изученных детей, а некоторые описывают случаи оценки самими детьми педосексуальных действий, как имевших положительный эффект.⁷²

---

⁶⁵ Ryan C. W. Hall; Richard C. W. Hall (2007-04). "A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues"

⁶⁶ C. Bagley "The Prevalence of Mental Health Sequels of Child Sexual Abuse in a Community Sample of Women Aged 18 to 27"

⁶⁷ H.H. Filipas, S.E. Ullman "Child sexual abuse, coping responses, self-blame, posttraumatic stress disorder, and adult sexual revictimization"

⁶⁸ M. Testa, C. VanZile-Tamsen, J.A. Livingston "Childhood sexual abuse, relationship satisfaction, and sexual risk taking in a community sample of women"

⁶⁹ C. Bagley, M. Wood, L. Young "Victim to abuser: mental health and behavioral sequels of child sexual abuse in a community survey of young adult males"

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ S.M. Sgroi "Clinical Intervention in Child Sexual Abuse", A Conceptual Framework

⁷² Berliner & Conte, 1993; Beitchman, et al, 1991, 1992; Dolezal, & Carballo-Dieguez, 2002; Finkelhor, 1990; Friedrich, Whiteside, & Talley, 2004; Levitt & Pinnell, 1995; Parker & Parker, 1991; Pope & Hudson, 1992; Runtz, 2002; Stander, Olson, & Merrill, 2002

Обыватель и борцы с педофилами же с поразительным упорством стоят – безо всяких научных исследований – за то, что любые педосексуальные действия для них *должны* иметь необратимые психические последствия. Это воззрение очень странно. Люди очень разнятся друг от друга по своим личным особенностям и реакциям на различные стимулы, также как сами стимулы эти и потенциально или фактически травматические ситуации характеризуются большим разнообразием. Поэтому ясно, что то, какой именно эффект произведет то или иное событие на каждого отдельного человека, уникально в каждом отдельном случае. Было бы крайне странно за всех переживших железнодорожную катастрофу людей априори решать, что они будут этим непоправимо травмированы: кто-то переживет это, а кто-то не сядет больше никогда в поезд. Также было бы странно относительно всех найденных мертвых людей априори подразумевать, что причина смерти во всех этих случаях – асфиксия, а смерть наступила по умолчанию столько-то часов назад. Однако борцам с педофилией кажется совершенно нормальным за всех детей и применительно ко всем педосексуальным действиям априори разуместь, что дети заработают некую глубокую гомогенную «травму», конкретные проявления которой они по каким-то причинам не любят в деталях описывать.⁷³

И, тем не менее, идея о том, что педосексуальные действия в принципе не могут пройти без необратимых жестоких последствий, очень прочно укоренилась в общественном сознании. Альфред Кинси, автор знаменитых монографий по человеческой сексуальности, был подвергнут остракизму как аморальный субъект и фактически демонизирован в общественном сознании. Хотя, по всей видимости, и не главной, но одной из причин было то, что согласно его исследованиям, многие подвергшиеся педосексуальным действиям мальчики не имели никаких тяжелых психических проблем вследствие этого.⁷⁴ Такому же осуждению и беспочвенным обвинениям подвергаются и ныне люди, которые осмеливаются беспристрастно подходить к исследованию проблемы (подробнее о проявлениях общественной моральной паники речь пойдет ниже).

Отвлекаясь от академических исследований и обращаясь к конкретной судебной практике, следовало бы вести себя также последовательно и аккуратно. В *каждом* отдельном случае требуется проводить судебно-медицинскую экспертизу с целью установления того, был ли причинен вред психический, вред физический, и если да, то *в каком масштабе*. Точно так же мы в случае каждого обнаруженного трупа проводим аутопсию с целью выяснения причины и времени смерти. Любые отступления от этого при полном игнорировании научных опытных данных и принятых в медицине практик

---

⁷³ Даже авторы 1980-х отмечали отсутствие какой-то единой симптоматической картины или четкого прослеживающегося единообразного травматического процесса в отличие от картины PTSD (posttraumatic stress disorder).

⁷⁴ H. Wakefield “The Effects of Child Sexual Abuse: Truth Versus Political Correctness”

не только идут вразрез со здравым смыслом, но и, по сути, являются нарушением презумпции невиновности – ведь любые действия, что поглаживания, что поцелуи, уже по умолчанию наносят «травму» не меньшую, чем изнасилования с особой жестокостью.

Наконец, крайне важно остановиться еще на одном пункте. Вопрос, который требует решения, когда речь идет о педофилии и травме от педосексуальных действий, и который немедленно возникает в голове, следующий: в какой мере педосексуальные действия *per se* травматичны, а в какой степени травму создает *общественное отношение* к подобному факту биографии, когда ребенок знакомится с этим отношением?⁷⁵ Невозможно переоценить важность этого вопроса. К сожалению, невозможно обнаружить научных исследований, которые пытались бы отделить влияние педосексуальных действий как таковых от влияния общественного отношения к ним. Отношение это, надо сказать, не самое лучшее. Эта ситуация в чем-то напоминает ситуацию с просмотром детьми порнографии. Даже если сама порнография не причиняет какого-то вреда, потом моралист-воспитатель выясняет, что ребенок ее видел, и внушает ему чувство вины, всячески давая понять, что ребенок созерцал что-то ужасное. А внушив это чувство вины и прочие неприятные переживания, моралист часто утверждает, что эту «травму» создала порнография сама по себе, а вовсе не моралистское отношение к факту ее просмотра. С педосексуальными действиями и самосознанием и самооценкой людей, которые участвовали в педосексуальных действиях, имеется ровно эта же проблема. В свете выше предложенного обсуждения вопроса о патологичности педофилии и научных данных о последствиях педосексуальных действий, совсем небезосновательной выглядит гипотеза о том, что *сами по себе* педосексуальные действия как таковые причиняют ребенку в определенных случаях куда меньший психологический вред, чем моралисты, общественное мнение и борцы с педофилами, которые *ex post* внушают ребенку, что с ним произошло что-то ужасное, и что он *должен ощущать себя жертвой, даже если до этого он себя таковой не ощущал*. Антропологические данные свидетельствуют, что даже инцестуозные педосексуальные действия в рамках определенных человеческих обществ являются культурной нормой и, сколько мы вообще можем судить, не порождают страшных шрамов на детской психике – также как публичная детская нагота, публичные гомосексуальные сношения и т.д. Поэтому самая общая модель постановки проблемы исследования последствий педосексуальных действий должна быть *кросскультурной*. Подобно тому, как академическое сообщество давно занялось кросскультурным сравнением типичных детских страхов, оно могло бы заняться исследованиями влияния педосексуальных действий на психику детей одновременно в разных цивилизационных контекстах с тем чтобы, наконец, изолировать влияние

---

⁷⁵ С. Crosson-Tower “Understanding child Abuse and Neglect”

педосексуальных действий *per se* от влияния на психику их общественного восприятия как факта биографии.

Следует отметить, что общественное отношение и моральные установки, стыд и чувство вины очень сильно препятствуют нормальному научному изучению педосексуальных действий. Исследователь не может не замечать этого: “Sexual abuse is an extremely difficult problem to study. Because of the shame and stigma that surround it, victims, offenders, and their families are not eager and cooperative research subjects. Ethical dilemmas hamper and complicate many direct and simple approaches to answering important questions. [Сексуальные злоупотребления очень тяжело изучать. Вследствие стыда и позора, которые их окружают, жертвы, правонарушители и их семьи не готовы идти навстречу исследователю. Этические дилеммы осложняют многие прямые и простые подходы к поиску ответов на важные вопросы.]”⁷⁶

- 3) «Злоумышленники производят в промышленных масштабах детское порно, насилая и растлевая детей, и продают его на черном рынке, зарабатывая миллиарды долларов; количество детской порнографии быстро возрастает».

Также как и сам термин «педофил», «детская порнография» является крайне вольготно трактуемым термином. Не требуется вспоминать всю проблематичность вообще любых правовых определений порнографии и прояснений ее статуса; в случае с детской порнографией ситуация очевидно усугубляется определением слова «детская».

Детская порнография имеет долгую историю. Ее появление в интернете знаменует лишь последнюю фазу этой истории.⁷⁷ Фотоматериалы с обнаженными детьми активно производились в викторианскую эпоху и на протяжении 20 века⁷⁸, когда к ним прибавились также киноматериалы.⁷⁹ Порнографическая литература⁸⁰ не отставала, а равно и гравюры и вообще изобразительное искусство.⁸¹ С легализацией порнографии в большей части цивилизованных стран в самом конце 1960-х – начале 1970-х, возник новый виток в производстве того, что сейчас обычно называется детским порно. Из художественных фильмов можно вспомнить драму «Распутное детство» (1977) (ныне запрещена как порнографическая), а из коммерческой порнографии – серию выпусков “Teenage Sex” от студии Color Climax, в которых участвовали подростки (многие выпуски ныне также ретроспективно признаны детской порнографией и запрещены). С

⁷⁶ D. Finkelhor, S. Araki “A Sourcebook on Child Sexual Abuse”

⁷⁷ P. Jenkins “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”, P.23; R. Wortley, S. Smallbone “Child Pornography on the Internet”, US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41

⁷⁸ Baron Wilhelm Von Gloeden “Taormina”

⁷⁹ Первый порнографический фильм с детьми (Preteen Slut: The Motion Picture) был выпущен в 1915 году.

⁸⁰ Достаточно указать 11-томный (!) порнобестселлер “My Secret Life” (около 1888 года), описывающий, помимо всего прочего, педосексуальные сношения.

⁸¹ Можно обратиться к гравюрам Martin’a Von Maele (1863–1926), в частности серии La Grande Danse Macabre de Vifs, также работам художников Franz von Bayros (1866–1924) и Luc Lafnet (1899–1939).

принятием первых законов о детской порнографии в конце 1970-х в США производство подобных видеоматериалов (имевшее место преимущественно в Скандинавии) начало исчезать. Подростковая порнография не привлекала к себе никакого внимания в 70-е и не вызывала осуждения; эти явления обнаруживаются с 1980-х годов и продолжают и поныне. Что касается порнографии с участием детей допубертатного возраста, то о ее количестве и его динамике довольно трудно судить. Здесь возникает та же проблема, что и с оценкой количества педофилов и педосексуальных действий: нельзя наверняка знать, стало ли детской порнографии реально больше производиться, или дело в том, что – хотя ее количество могло остаться, например, и неизменным – *большая часть* этого количества стала попадать в поле зрения правоохранительных органов с повышением внимания к этой теме. Некоторые же авторы указывают, что производство детской порнографии фактически прекратилось в 1978 с принятием первых законов, а истории об увеличении ее количества в 1980-х являются плодом социальной паники.⁸² С другой стороны, с появлением интернета большая часть исследователей стала держаться того мнения, что ее количество растет.⁸³ При этом акцент в изучении проблемы почти полностью смещается в сторону рассмотрения ее в контексте возможностей, предоставляемых компьютерами и новыми средствами коммуникации: “These communications media have markedly facilitated the production, reproduction, and dissemination of child pornography as well as the concealment of this activity from law enforcement. [Эти средства коммуникации существенно способствуют производству, воспроизведению и распространению детской порнографии, а равно и сокрытию этой деятельности от правоохранительных органов.]”⁸⁴ Однако исследование 2002 года говорит о недостатке данных и малой изученности масштабов производства детской порнографии.⁸⁵

Также как и о педофилах, о детской порнографии широкая общественность ничего не слышала и не знала до конца 1970-х годов. С момента появления первых законов о детской порнографии в США в конце 70-х, подобные законы были приняты во многих других странах мира и претерпели очень сложную эволюцию. Детской порнографией суды США признавали весь спектр вещей: от видео изнасилований детей (что вполне разумно) до компьютерных рисунков, в том числе с персонажами мультфильмов (которые, напомним, не являются субъектами права, т.к. не являются реальными личностями). Вообще те изображения взрослых людей, которые большинство людей сочтет эротическими, а не порнографическими, в случае с детьми и подростками (которые, хоть биологически и не дети, но «дети» по закону в силу «возраста согласия») все равно всегда объявляются порнографическими. Термин «детская эротика» услышать

---

⁸² L.A. Stanley “The Child Porn Myth”

⁸³ R. Wortley, S. Smallbone “Child Pornography on the Internet”, US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41

⁸⁴ A. Grant, F. David, P. Grabovsky “Child Pornography in the Digital Age”, 1997

⁸⁵ R.L. Pierce “Child pornography: A hidden dimension of child abuse”

практически невозможно. Подробная история развития законов о детской порнографии и всех сопряженных с ней и крайне экстравагантных правовых практик подробно описана в одной из академических статей, посвященных данной теме.⁸⁶ Приводимые автором примеры процессов и решений суда демонстрируют очень странную тенденцию: в отличие от обычного *сужения* определений в рамках создания прецедентов (что всегда было характерно для американской правовой практики), в случае с детской порнографией имеет место прямо обратное: с течением времени судьи все шире и шире толкуют детскую порнографию, признавая таковой практически все, что угодно. В 1993 году⁸⁷ суд признал детской порнографией видеозаписи с участием одетых детей.⁸⁸

В 1996 году в США был принят закон, озаглавленный Child Pornography Prevention Act (СРРА). Согласно ему, детской порнографией признавались даже материалы (например, рисунки), которые не запечатлевали никаких реальных детей или подростков⁸⁹, т.к. не являлись видео- или фотоматериалами. Тем не менее, они признавались детской порнографией, несмотря на тот факт, что при их производстве не использовались (и уж точно не страдали) дети или подростки. Этот закон вызвал череду скандалов, а его конституциональность была подвергнута сомнению. Спустя шесть лет разбирательств, Верховный Суд США уничтожил этот закон как неконституционный, и забавные порнографические картинки, например, с принцессой Айлонви из диснеевского мультфильма 1985 года перестали считаться детской порнографией. На протяжении периода с 1996 по 2002 год человек, у которого подобные картинки были обнаружены, имел все шансы сесть в тюрьму как преступник, а государство (в конечном счете, налогоплательщики) оплачивало бы содержание его там.

В Британии первый закон о детской порнографии был принят в 1978 году⁹⁰; он был дополнен новым актом в 1994 году⁹¹, который сделал нелегальным производство псевдофотографий (pseudo-photographs) детей, т.е. материалов, получавшихся при компьютерном наложении лица ребенка на эротические или порнографические фотографии взрослых людей. Закон 2003 года повышает минимальный возраст лица, могущего легально сниматься в порнографии с 16 до 18 лет.⁹²

В Германии симулированная (виртуальная) детская порнография в настоящий момент незаконна, и ее распространение может окончиться для человека пятью годами

---

⁸⁶ A. Adler “The Perverse Law of Child Pornography”

⁸⁷ United States v. Knox

⁸⁸ Jenkins, P. (2001). “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”

⁸⁹ Это обычно называется simulated child pornography (SCP) («симулированная детская порнография») или virtual child pornography (VCP) («виртуальная детская порнография»).

⁹⁰ Protection of Children Act (1978)

⁹¹ Criminal Justice and Public Order Act (1994)

⁹² Sexual Offences Act (2003)

тюрьмы.⁹³ В Австралии порнографические изображения с Бартом и Лизой Симпсонами были признаны детской порнографией.⁹⁴ Судья заметил, что “the fact they were not realistic representations of human beings did not mean that they could not be considered people. [Тот факт, что они не являются реалистичными изображениями людей, не означает, что они не могут рассматриваться как люди.]”⁹⁵ В ЮАР обладателя подобной картинки, также классифицируемой как детская порнография, ожидает минимум 10 лет тюрьмы.⁹⁶ В Канаде под определение детской порнографии подпадет также текстовое описание секса Барта с Лизой.⁹⁷ Оно рассматривается также как видеозаписи сексуальных истязаний, его хранение или производство влечет сходные последствия. Хранение и загрузка детской порнографии не предусматривают ее сохранения и загрузки на компьютер: хранением считается даже просмотр материала в сети.⁹⁸

В России на рассмотрение Госдумы поступил законопроект, согласно которому, детской порнографией признается даже описание совершеннолетнего лица, имитирующего несовершеннолетнего (до 18 лет).⁹⁹ Закон принят в первом и втором чтениях.¹⁰⁰

Эти факты как нельзя лучше показывают всю странность и широту определений детской порнографии и понятий, связанных с нею, в разных странах. Во многих случаях сами законодатели и судьи не могут разобраться, отдавать ли им предпочтение критериям сексуальности или непристойности (*obscenity*) при решении вопроса о том, является ли что-то детской порнографией или нет.¹⁰¹ Исследователи отмечают, что вместо изменения законов в сторону их большей конкретности и более точных определений, имеют место нарочитые и бесполезные обсуждения того, как надлежит *интерпретировать* имеющиеся законы, что приводит к их практической бесполезности.¹⁰²

Нет необходимости снова подробно останавливаться на том, что постоянные изменения законодательных определений вредят сопоставимости статистических данных за разные периоды. Особенно проблема определений оказывается трудна в случае с оценками количества детской порнографии в интернете: “This is a particular problem in relation to the Internet, where cultural, moral, and legal variations make it difficult to define “pornographic” in such a global society [Это проблема встает особо в случае с

---

⁹³ C. Johnson “Brave new world or virtual pedophile paradise? Second Life falls foul of law”

⁹⁴ <http://www.metro.co.uk/news/436091-fake-simpsons-cartoon-is-child-porn>

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ Films and Publications Amendment Bill (2003)

⁹⁷ Criminal Code of Canada // <http://www.efc.ca/pages/law/cc/cc.163.1.html>

⁹⁸ R. Wortley, S. Smallbone “Child Pornography on the Internet”, US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41

⁹⁹ Законопроект № 349188-5 // <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=349188-5&02>

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ M. Taylor, E. Quayle “Child Pornography: An Internet Crime”

¹⁰² L.N. Strayer “Ambiguous Laws Do Little to Erase ‘Kiddie Porn’”

Интернетом, т.к. в таком глобальном сообществе культурные, моральные и правовые различия затрудняют определение «порнографичности»].¹⁰³

Подводя итог, необходимо сказать, что, как и в случае с оценками количества педофилов и педосексуальных действий, невозможно сделать никаких категоричных однозначных выводов. Неакадемические публикации пестрят астрономическими темпами роста при фактически полном отсутствии обсуждения определений и методов оценки; академические публикации более умеренны в приводимых цифрах, несколько противоречивы и идентифицируют ряд методологических проблем. Почти все эти публикации ныне в большей степени посвящены оценке масштабов проблемы в интернете. Помимо изменяющихся и сильно варьирующих определений детской порнографии, мешает однозначности выводов неясность относительно того, стало ли больше в интернете новой порнографии, или увеличивается количество передач и копий уже имеющейся, как и относительно того, следует ли считать увеличением количества порнографии ситуацию, при которой не существовавшие в интернете материалы были оцифрованы и загружены туда. Ведь оценить количество детской порнографии в эпоху до интернета, когда она имела очень узкие каналы распространения, представляется совсем затруднительным. Кроме того, фильмы, подобные снятым студией Color Climax и *ретроспективно* признанные детской порнографией, с возникновением интернета были туда загружены, а ныне передаются и распространяются, скорее всего, во все большем масштабе просто за счет интереса к ним как к «винтажным» (это касается огромного количества других эротических и порноматериалов) и развития P2P-сетей. Поэтому с методологической точки зрения, корректнее было бы фокусировать свое внимание на том, сколько новой, *недавно* произведенной детской порнографии появляется. Упущение из виду этого момента запросто приводит к смешению изучения роста интернета и данных в нем вообще и изучения возникновения новых материалов безотносительно того, попадают они туда или нет.

Что касается оценки масштабов *рынка* детской порнографии, то за неимением каких бы то ни было точных или даже приблизительных академических данных я воздержусь от любых оценок. Неакадемические публикации проводят идею о том, что детская порнография – самая быстро растущая отрасль бизнеса в сети и имеет многомиллиардные обороты.¹⁰⁴ Академических данных на этот счет обнаружить практически невозможно. За неимением средств к суждению, я оставляю вопрос о том, так это или нет, открытым. Тут, однако, следует считаться с тем фактом, что в сети почти никто никогда не платит за доступ к порнографии. Так как почти все передачи ее от одного пользователя к другому осуществляются на бесплатной основе (как и передачи практически любых других материалов), то оценка количества передач

---

¹⁰³ Quayle, Taylor, Holland “Child Pornography: The Internet and Offending”

¹⁰⁴ Смотри, например, J. Climaco “‘Kiddie Porn’: More Than You Think It Is”

детской порнографии едва ли может служить хорошим приближением количества первичных распространений (бесплатных или платных).

Обыватель не задумывается о проблемах определения и методологии, поэтому большинство людей верит, что количество детской порнографии резко увеличивается день ото дня и что достать ее очень просто.¹⁰⁵ Вероятно, в какой-то степени причина этого заблуждения кроется в большом количестве сайтов, которые обещают детскую или подростковую порнографию, однако, предоставляют материалы со взрослыми людьми: “Virtually all the so-called Lolita sites that are easily discovered on the Internet do, in fact, involve much older women [В сущности, все так называемые «Лолита-сайты», которые легко обнаружить в Интернете, содержат материалы с существенно более взрослыми женщинами.]”¹⁰⁶ В реальности же истории о повсеместно легкодоступной детской порнографии в интернете примерно также правдоподобны, как истории о покупке оружейного плутония или химического оружия в супермаркете. Исследователи подчеркивают скрытность распространителей и трудность обнаружения детской порнографии в интернете.¹⁰⁷ Она оказывается крайне редкой на общедоступных ресурсах в сети.¹⁰⁸

- 4) «Производство, хранение и распространение детской порнографии должно быть незаконно во всех случаях; это также верно относительно симулированной детской порнографии и всего, что можно истолковать как таковую».

Зададимся вопросом о том, почему вообще детская порнография запрещается. Обычно на этот вопрос дается несколько ответов, которые касаются отдельно производства и хранения, использования и распространения подобных материалов. Рассмотрим эти ответы последовательно:

А) Утверждается, что при производстве детской порнографии страдают дети и подростки («дети» в правовом отношении), которые в них участвуют.

Тут, как и в случае с любыми педосексуальными действиями, следует воздержаться от любых разумений по умолчанию. В данном случае сохраняет силу все сказанное выше при обсуждении вообще вреда педосексуальных действий (перед камерой они происходят или нет). К этому следует прибавить обсуждение того, наносится ли детям вред при производстве детской эротики (которую неразборчивый обыватель и прокурор неизменно тоже именуют порнографией) или нет. Этот вопрос я оставляю открытым как нуждающийся в академическом внимании. В общем и целом, тут приходится также

---

¹⁰⁵ Подобные же идеи прослеживаются и у некоторых правоведов. См., например, A. Rogers “Child Pornography’s Forgotten Victims”

¹⁰⁶ P. Jenkins “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”

¹⁰⁷ B.H. Schell, M.V. Martin, P.C.K. Hung, L. Rueda “Cyber child pornography: A review paper of the social and legal issues and remedies—and a proposed technological solution”

¹⁰⁸ Forde and Patterson (1998); Jenkins (2001); Lesce (1999)

предполагать, что для одних детей последствия будут отрицательны, для других они вообще могут отсутствовать. Степень принуждения и частота каждого элемента всего спектра педосексуальных действий, представленных в детской порнографии, нуждаются в отдельном скрупулезном изучении. Без данных на этот счет, мы не можем уверенно судить о том, что *по факту содержит* детская порнография (доступная очень узкому кругу работников правоохранительных органов). Насколько часто в ней представлено собственно половое сношение, а насколько часто ласки без попыток коитуса? В зависимости от ответа на этот и подобные вопросы мы и должны строить свое отношение к детской порнографии – *при условии*, что мы уже знаем, какие педосексуальные действия какими последствиями характеризуются. В этой связи можно привести одно исследование 2007 года¹⁰⁹, авторы которого изучили состав порнографических материалов, изъятых у владельцев. В 44% случаев самыми жесткими оказывались изображения обнаженных или просто позирующих детей; в 7% - изображение сексуальной активности между детьми; в 7% - изображения сексуальной активности между взрослыми и ребенком без собственно коитуса; в 37% - собственно коитус между взрослым и ребенком; в 5% - садистические или зоопедосексуальные действия. Как видно из приведенных данных, было бы неверно полагать, будто материалы, именуемые детской порнографией, всегда содержат сцены насилия или даже полового акта. В силу этого факта, в рамках правовой практики возникли различные шкалы оценки жесткости детской порнографии и эротики: шкала COPINE (1997, 10 градаций от “indicative” [зд. «намекающий»] до “sadistic/bestiality” [садизм/сношения с животными]) и шкала SAP (2002, 5 градаций от “Nudity or erotic posing with no sexual activity” [нагота или эротические позы без сексуальной активности] до “Sadism or bestiality” [садизм или сношения с животными]). Примечательно, что в рамках первой шкалы даже самые невинные, а также легальные нудистские фотографии, тем не менее, получают статус abuse images. В большинстве своем дети, фигурирующие в детской порнографии, не были для этого похищены или силой принуждены к участию.¹¹⁰

Что касается симулированной (виртуальной) детской порнографии, то, очевидно, вышеозначенный аргумент полностью теряет силу, т.к. никакие реальные дети или подростки вообще не участвуют в ее производстве.

Б) Утверждается, что просмотр детской порнографии (даже симулированной) *причинно* обуславливает рост количества педосексуальных действий в реальном мире, превращая в активных педофилов тех, кто ими не являлся, или бездействующих педофилов побуждая к действию. Этим обычно обосновывают запрет на ее хранение и распространение в любых целях, включая некоммерческие.

---

¹⁰⁹ Claire Milner, Ian O'Donnel “Child Pornography: Crime, Computers and Society”

¹¹⁰ Lanning, K., and A. Burgess (1989). “Child Pornography and Sex Rings”

Само приведенное высказывание ничем по своей сути не отличается от идеи о том, что кинохроника второй мировой войны способствует началу третьей. Однако, как и всегда, обратимся к научным данным. Изучение влияния *любой* порнографии на дальнейшее поведение и психическое здоровье сопряжено с рядом неодолимых трудностей, из которых наиболее очевидной является трудность перехода от установления корреляций к суждениям о причинности, в частности в силу наличия большего количества конкурирующих предикторов тех или иных расстройств или тревожных явлений.¹¹¹ Ситуация также затрудняется этическими проблемами, связанными с проведением эксперимента в данной области.¹¹² Что касается изучения связи детской порнографии с сексуальными злоупотреблениями детьми, то никакой четкой причинной связи однозначно проследить не удастся: “An assessment of the research literature suggests that pornography is a minor and indirect influence on child sexual maltreatment. [Обзор исследовательских работ подсказывает нам, что порнография является незначительным фактором, лишь косвенно влияющим на сексуальные злоупотребления детьми.]”¹¹³ Другие авторы также указывают на то, что сложно судить о том, насколько часто просматривающие детскую порнографию лица переходят к реальным действиям, а также, сколько из тех, кто переходит к ним, не перешел бы к ним без детской порнографии.¹¹⁴ Некоторые исследователи, тем не менее, отмечают, что просмотр детской порнографии может повысить риск совершения педосексуальных действий.¹¹⁵

Нельзя также отбросить идею о том, что детская порнография, вероятно, не увеличивает, а напротив, снижает количество педосексуальных действий в реальном мире, т.к. дает педофилам и другим людям, которые имели какую-то тягу к совершению педосексуальных действий, своеобразную отдушину для изживания их влечений перед монитором, а не в реальной жизни.¹¹⁶ В этой связи следует вспомнить тот факт, что легализация порнографии и повышение ее доступности вообще обычно сопровождаются *снижением* всех форм сексуальной преступности. Тут можно указать на Данию в 1970-е¹¹⁷, а также на опыт Японии¹¹⁸ и США.¹¹⁹ Пример Дании особенно показателен, т.к. было установлено, что легализация подростковой порнографии

---

¹¹¹ D. Zillmann, J. Bryant “Pornography: Research Advances and Policy Considerations”, P.397

¹¹² Ibid.

¹¹³ D.D. Knudsen “Child sexual abuse and pornography: Is there a relationship?”

¹¹⁴ Ryan C. W. Hall; Richard C. W. Hall (2007-04). "A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues"

¹¹⁵ Linz and Imrich (2001); Marshall (2000).

¹¹⁶ Kennedy-Souza, B.L. (1998). “Internet Addiction Order”

¹¹⁷ B. Kutchinskiy “The Effect of Easy Availability of Pornography on the Incidence of Sex Crimes: The Danish Experience”

¹¹⁸ Milton Diamond, Ph.D. and Ayako Uchiyama “Pornography, Rape and Sex Crimes in Japan”

¹¹⁹ Rape, Porn and Criminality: Political Truth on Trial // <http://jurist.law.pitt.edu/forumy/2006/06/rape-porn-and-criminality-political.php>

ответственна за снижение числа сексуальных преступлений против детей и подростков.¹²⁰

Вообще же стоит отметить, что обсуждаемый тут аргумент против детской порнографии выглядит крайне странно в свете многих фактов социальной реальности. Например, не слышно выступлений борцов с педофилами против того, чтобы у многих родителей дети в голом виде находились в общественных местах. Обнаженных детей разных возрастов несложно встретить на любом пляже. Но ведь если обсуждаемый аргумент верен, и детская порнография действительно причинно обуславливает рост количества педосексуальных действий и рост числа педофилов, то уж живая *физически реальная* детская натура должна была бы обращать в педофилов всех посетителей пляжей в огромном радиусе. Выходит, реального педофила нельзя привлечь к суду, если он отправится на пляж и будет, прикрывшись, онанировать на обнаженных детей, однако можно привлечь к суду родителя-непедофила за фотографию ребенка в ванной для семейного альбома. Неясно, как быть с фотографиями нудистов и их детей, которые легальны и доступны в сети и как может фотография целой группы обнаженных детей-нудистов не считаться детской порнографией¹²¹, притом, что даже рисунки персонажей мультфильмов считаются таковой. Не понятно также, кого карать в случаях, когда дети *сами*¹²² производят и распространяют детскую порнографию, как и то, кто в таких ситуациях кем сексуально злоупотребляет.

Если бы борцы с детской порнографией были последовательны в своих устремлениях, закономерным концом их борьбы был бы запрет на детей в реальном физическом мире, ведь кто, если не они, больше всего провоцирует педофилов? Также непонятно отсутствие выступлений борющихся с педофилами и детской порнографией против компаний, выпускающих детскую косметику и все более и более сексуализированную и откровенную детскую одежду, против постановки музыкальных и прочих театральных номеров с танцующими в весьма откровенных нарядах детьми.¹²³ Сексуализация детской одежды и детская косметика (которые также должны, несомненно, по логике общественных активистов, провоцировать педосексуальные действия) не привлекают внимание борющихся за права детей и их половую неприкосновенность. Вероятно, дело в том, что эти активисты выбирают более легкие мишени, чем огромные корпорации, молчаливо закрывая глаза на последние.

Сторонний наблюдатель не может не замечать, что дело не только в драконовском законотворчестве, неразберихе с определениями и путанице со статистикой; дело еще и в том, как все это выглядит в контексте современного общества на фоне многих его реалий, в частности на фоне заметной сексуализации детей индустрией моды. Вопрос о

---

¹²⁰ B. Kutchinskiy “The Effect of Easy Availability of Pornography on the Incidence of Sex Crimes: The Danish Experience”

¹²¹ M. Taylor, E. Quayle “Child Pornography: An Internet Crime”, P.4

¹²² M.G. Leary “Self-Produced Child Pornography: The Appropriate Societal Response to Juvenile Self-Sexual Exploitation”

¹²³ <http://www.youtube.com/watch?v=TYRIYL5uP6w&feature=related>

том, может ли 12-летняя девочка *соглашаться*, сознательно *решать* использовать косметику или откровенно одеваться, будет оставлен здесь без ответа, но это очень хороший вопрос.

В) Утверждается, что при совращении люди, совершающие педосексуальные действия, могут использовать детскую порнографию, чтобы убедить ребенка или подростка, что предлагаемое ему – нормально.

Мы точно знаем, что определенное количество ножей, топоров и молотков может и *будет* использовано для убийства. Не оправданно и странно, однако, было бы на этом основании запретить их производство, хранение, распространение. Столь же странно выглядит выше приведенное высказывание, особенно в свете того факта, что для совращения детей с тем же успехом используются обычные книги о человеческой сексуальности и служащие целям сексуального образования.¹²⁴ Если следовать образу мышления борцов с детской порнографией, то эти книги следует также признать нелегальными.

Г) Утверждается, что совершающие педосексуальные действия лица, производя детскую порнографию, используют ее для последующего шантажа ребенка с целью принуждения его к сохранению факта педосексуальных действий в тайне.

Один из наиболее редких аргументов. Он выглядит резонным, однако следует выяснить, насколько распространена эта ситуация, т.е. какую долю во множестве известных мотивов для хранения детской порнографии занимает данный мотив. Кроме того, данный аргумент не распространяется ни на кого, кроме лиц, совершающих педосексуальные действия и хранящих и производящих детскую порнографию с теми детьми, которые в этих действиях участвуют.

В данной секции хотелось бы также обратить внимание на аудиторию детской порнографии, чья структура достойна отдельного обсуждения. Вопреки возможному заблуждению, не каждый, кто просматривает, ищет или хранит детскую порнографию или симулированную детскую порнографию, является педофилом или человеком, желающим совершать или склонным к совершению педосексуальных действий. Нет также причин, по которым каждый педофил должен был бы иметь детскую порнографию.¹²⁵ Так как, изучая данный вопрос, мы сталкиваемся с пересечением как

---

¹²⁴ D. Zillmann, B. Jennings “Pornography: Research Advances and Policy Considerations”: “Books on human sexuality, sex education, and sex manuals are also used to lower [children’s] inhibitions [Книги о человеческой сексуальности, сексуальном образовании, а также сексуальные пособия также используются для снижения психологических барьеров [у детей]]”.

¹²⁵ R. Wortley, S. Smallbone “Child Pornography on the Internet”, US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41

минимум трех множеств людей, отношения между ними удобно представить на диаграмме Эйлера-Венна.

Трудно судить о соотносительных размерах этих множеств и их пересечений. Относительно пересечения множества лиц, хранящих детскую порнографию и множества лиц, совершающих педосексуальные действия, мы имеем основания считать, что оно составляет примерно 40% от всего множества лиц, хранящих детскую порнографию.¹²⁶ Сложность структуры множества всех обладателей детской порнографии или ищущих ее лиц

отражена в соответствующих исследованиях: “It is difficult to describe a “typical” child pornography possessor because there is not just one type of person who commits this crime. [Тяжело описать типичного обладателя детской порнографии, т.к. не существует какого-то одного типа лица, повинного в ее хранении.]”¹²⁷ Некоторые авторы предпринимают попытки создания подробных типизаций лиц, ищущих и хранящих детскую порнографию.¹²⁸ Исследователи выделяют самые разные мотивы к поиску детской порнографии – от сексуального удовлетворения до жажды разнообразия, любопытства и либерального убеждения в том, что любая информация должна быть доступна.¹²⁹ Сравнение лиц, совершивших педосексуальные действия с лицами, хранившими детскую порнографию (две исследованные группы не пересекались) показало, что вторые имели значительно меньшую склонность к рецидивизму, чем первые; тем не менее, исследование обнаружило определенные психологические сходства двух групп.¹³⁰ Исследователи отмечают заметный рост количества лиц, ищущих детскую порнографию в сети на протяжении 1990-х годов¹³¹; об изменении количества педофилов и лиц, совершающих педосексуальные действия это, в сущности, ничего не сообщает: это ясно в свете широкого спектра возможных мотивов к поиску. При нагнетании общественной паники не исключено, что горячее обсуждение детской

¹²⁶ Janis Wolak, David Finkelhor, and Kimberly Mitchell “Child-Pornography Possessors Arrested in Internet-Related Crimes: Findings From the National Juvenile Online Victimization Study (Alexandria, Virginia: National Center for Missing & Exploited Children”

¹²⁷ What Is Child Pornography? //

http://www.missingkids.com/missingkids/servlet/PageServlet?LanguageCountry=en_US&PageId=1504

¹²⁸ T. Krone “A Typology of Online Child Pornography Offending”

¹²⁹ Taylor M 1999. “The nature and dimensions of child pornography on the Internet Combating child pornography” on the Internet conference, Vienna

¹³⁰ L. Webb, J. Craissati and S. Keen “Characteristics of Internet Child Pornography Offenders: A Comparison with Child Molesters”

¹³¹ P. Jenkins “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”, P.74

порнографии законодателями, полицией и СМИ ответственно за какую-то часть новых заинтересовавшихся детской порнографией людей, которые без этого обсуждения никогда даже не задумались бы о детях, как о сексуальных объектах. То, в какой мере законы о педосексуальных действиях и детской порнографии, а также сопряженная с ними практика, в действительности *сексуализируют* детей в общественном сознании, остается крайне интересным вопросом. Некоторые исследователи специально подробно останавливаются на нем.¹³² Здравый смысл подсказывает, что, случись иметь место постоянному муссированию темы порнографии с трупами в СМИ, некоторое количество людей из чистого любопытства пожелало бы найти и само посмотреть подобные материалы, чтобы узнать, о чем же именно столько шума. Нет нужды напоминать, какой популярностью в сети среди обывателей пользуются любые шокирующие материалы.

Также следует отметить, что люди, действительно являющиеся педофилами, могут собирать обычные, ничуть не порнографические и не эротические фотографии детей¹³³, т.к. они также их возбуждают. Если быть последовательным, то в свете этого факта «логику» борцов с детской порнографией следовало бы распространить на вообще любые изображения детей (любые фотографии, фильмы, рисунки, гравюры, скульптуры) и запретить их все вовсе.

В связи с обсуждением детской порнографии и идеями борцов с нею относительно того, почему она должна быть запрещена, хочется провести одну замечательную аналогию. В сети существует большое количество ресурсов, посвященных никак не цензурированным фото- и видеоматериалам, на которых запечатлены пытки, казни, убийства, геноцид, истязания, самоубийства, аварии и катастрофы, редкие и особо впечатляющие своей жестокостью сцены войны и т.д. Эти ресурсы посещаются большим количеством людей каждый день, при этом не попадая практически никогда в поле зрения СМИ или моралистов. Подобные материалы никто или почти никто не пытается запретить: здравый смысл подсказывает, что преследовать следует тех, кто на кадрах хроники отрезает головы или хоронит людей заживо, в то время как просматривающий, сохраняющий или ищущий подобные материалы сам не совершает никаких противоправных действий и не причиняет никому вреда. Также абсурдной выглядит идея о том, что кадры авиакатастроф провоцируют новые авиакатастрофы, кадры обезглавливания в горах Вазиристана – новые обезглавливания, кадры войны – новые войны, фотографии жертв отряда 731 – новые вскрытия детей и беременных заживо без анестезии. Тем не менее, применительно к детской порнографии высказываются ровно эти идеи. Особенно стоит отметить огромное количество медиапродуктов с насилием, не говоря уже о целом жанре японской порнографии садистического толка (*guro*), который насчитывает сотни тысяч изображений. Если бы

---

¹³² A. Adler “The Perverse Law of Child Pornography”

¹³³ M. Taylor, E. Quayle “Child Pornography: An Internet Crime”, P.6

образ мышления борцов с детской порнографией был распространен на все это, то ныне даже хранение старой видеокассеты с классическим американским боевиком или DVD с игрой Prince of Persia должно было бы быть незаконным. Вся абсурдность подобных запретов при отсутствии достаточных академических оснований в данном случае очевидна; в области детской порнографии абсурдность нынешних законов и мер ничуть не меньшая, обыватель не замечает ее, т.к. привык поддерживать эти законы и меры.

Обсуждение симулированной (виртуальной) детской порнографии в сравнении с медиапродуктами с насилием приводится в одной из статей о проблеме подобной порнографии. Автор справедливо замечает: “Whilst I am not suggesting that virtual paedophilia should be deemed morally permissible, I do wish to make it clear that if it is not, then a significant portion of popular entertainment (those which feature representations of murder) may also be brought into question. Consequently, the questions raised concern not only players of computer games, but most members of popular culture. [В то время как я не пытаюсь утверждать, что виртуальная детская порнография является морально допустимой, я хочу донести ту мысль, что если это так, то существенная часть популярных развлекательных продуктов (которые содержат изображения убийств) также должна быть рассмотрена с подобных позиций. Таким образом, поднимаемые вопросы затрагивают не только людей, играющих в компьютерные игры, но и большую часть массовой культуры.]”¹³⁴

5) «Детская проституция процветает и активно распространяется».

Проблема детской проституции содержит такое количество сложных вопросов, что я должен здесь воздержаться от ее подробного обсуждения. Это же, в сущности, следует сказать о проблеме проституции вообще. История учит нас, что уничтожить проституцию невозможно также как порнографию, поэтому приходится признать, что это явления постоянные и непобедимые (вопрос о динамике их масштаба я не рассматриваю). В свете этих фактов представляется вполне вероятным, что и детская проституция, как часть вообще всякой проституции, также никогда не будет побеждена. Трудно поверить, конечно, что борцы за права и неприкосновенность детей смирятся с этим. Легко представить себе всю тяжесть положения сексуально эксплуатируемых детей. Однако, не располагая опытом и научными данными на этот счет, мы не можем и предлагать решений, которые бы позволили уменьшить масштаб проблемы.

Лишь одну мысль хотелось бы подчеркнуть в этой связи: воздействовать необходимо на причину, а не на следствие. Трудно судить, каковы главные причины детской проституции, но едва ли это огромное количество педофилов и их деятельность. Необходимо тщательно изучить возрастной и половой состав проституирующих детей и

---

¹³⁴ M. Luck “The Gamer’s Dilemma: An analysis of the arguments for the moral distinction between virtual murder and virtual paedophilia”, P.6

подростков, а также их социальный статус, семейные обстоятельства и т.д. прежде, чем можно будет ясно осознать, какие именно социальные явления обуславливают нынешнее положение вещей. Если, к примеру, проституция для миллионов бездомных детей нашей страны есть средство заработка, то никакая война с сутенерами, очевидно, не поможет; поможет внимание институту семьи. Это лишь частный пример, но он отчетливо выражает мысль.

- б) «Дети невинны и асексуальны; ребенок может являться только объектом – но никогда субъектом сексуального влечения».

Последнее время исследования проявлений детской сексуальности во многом переориентировались на изучение последствий сексуальной эксплуатации детей; почти все открытые проявления сексуальности у детей часто истолковываются как результаты сексуального злоупотребления детьми. Само существование здоровой детской сексуальности стало, кажется, снова ставиться под сомнение (словно не было работ Белла, Молля¹³⁵ и Фрейда). Это отмечается в академической литературе, посвященной изучению здорового развития детской сексуальности.

Ребенок, вопреки вновь распространяющемуся взгляду, является не чистым белым листом, на котором взрослые витиевато пишут свои пороки, а с рождения имеет сексуальное влечение и является полноценным субъектом сексуального влечения с самого начала своей жизни. К счастью, большинство современных пособий по сексуальному воспитанию для родителей до сих пор содержат в себе важную информацию о развитии здоровой детской сексуальности. Как нам известно, сексуальность имеет отношение к получению удовольствия от раздражения эрогенных зон. Либи́до ребенка претерпевает своеобразную эволюцию на протяжении его жизни, проходя череду различных фаз, а затем унифицируясь и усиливаясь (но не впервые возникая!) в пубертатном возрасте. В это же время к сексуальности присоединяется ничего с ней изначально не имевшая общего репродуктивная функция. В сравнении с изначальноными идеями Фрейда на эволюцию форм либи́до у детей, можно заметить, что современная сексология отказывает детям в том, что Фрейд называл латентной фазой, таким образом, считая их еще более сексуализированными.

Остается только удивляться тому, как можно отказывать детям в сексуальности; пожалуй, любой воспитатель сталкивался с откровенными манифестациями либи́до у детей, а также и с часто возникающей между ними различной сексуальной активностью. Это не говоря уже о том, что почти все люди сами вспомнят определенные сексуальные эпизоды из своего детства. Часто все подобные явления истолковывают только как проявления детского любопытства, это, однако, очень недальновидно: дети быстро

---

¹³⁵ А. Молль «Половая жизнь ребенка»

обнаруживают удовольствие от сексуальной стимуляции и воспроизводят его многократно со вполне конкретной целью. Проявления детской сексуальности настолько часто попадают в поле зрения, что странно было бы в наш век *снова* доказывать кому-то, что ребенок не только порою объект, но и всегда субъект сексуального влечения. Тем не менее, можно обратиться к академическим трудам, посвященным детской сексуальности с тем, чтобы окончательно развеять вновь распространяемое борцами за чистоту нравов заблуждение относительно полной асексуальности детей.

Сексуальные действия и поведение обнаруживаются практически у всех детей в возрасте от 2 до 12 лет: “Research clearly indicates that children are sexual beings, and will exhibit a broad range of sexual behaviors in the absence of sexual abuse. [Исследования со всей ясностью свидетельствуют о том, что дети обладают сексуальностью, а их поведение обнаруживает широкий спектр сексуальных действий даже в отсутствие сексуальных злоупотреблений.]”¹³⁶ Это же констатируют и другие авторы.¹³⁷ Около 40% девочек и 38% мальчиков мастурбируют еще до наступления пубертатного периода, причем девочки начинают заниматься этим раньше.¹³⁸ Во многих случаях мастурбаторная активность подсказана другими детьми.¹³⁹ Хотя и не очень часто, но дети также демонстрируют орально-генитальные контакты, иногда вводят различные предметы в естественные отверстия тела с целью получения удовольствия.¹⁴⁰ М. Reynolds, D. Harbenick, J. Bancroft приводят очень подробные данные, полученные при изучении двух непересекающихся групп детей, относительно различных видов их сексуальной активности, количестве участвовавших в ней детей, разделяя группы по половому признаку, а сексуальные действия – по времени возникновения.¹⁴¹ На примере приводимых ими данных видно, как в структуре мотивации любопытство постепенно теряет с возрастом свои позиции перед жадой наслаждения. Оценка самими детьми этих действий по большей части или смешанная или ярко выражено положительная.

Порою, сексуальная активность возникает и между братьями и сестрами, в том числе двоюродными. Подобные контакты иногда сопровождаются определенной мерой принуждения; имевшие их люди, вырастая, разделяются на примерно равные по численности группы положительно и отрицательно оценивающих подобный опыт. Примечательно, что девочки, имевшие подобный опыт, оказываются в дальнейшей жизни значительно более сексуально активными, чем девочки, не имевшие подобных

---

¹³⁶ W. Friedrich “Studies of Sexuality of Nonabused Children”

¹³⁷ William N. Friedrich, PhD, Jennifer Fisher, PhD, Daniel Broughton, MD, Margaret Houston, MD, Constance R. Shafran, PhD “Normative Sexual Behavior in Children: A Contemporary Sample”

¹³⁸ J. Bancroft, D. Harbenick, M. Reynolds “Masturbation as a Marker of Sexual Development”

¹³⁹ Ibid.

¹⁴⁰ M. Reynolds, D. Harbenick, J. Bancroft “The Nature of Childhood Sexual Experiences”

¹⁴¹ Ibid.

эпизодов в детстве.¹⁴² Вообще, относительно сексуальных контактов между детьми, верно, что чем меньшей мерой принуждения они характеризуются, тем более положительное впечатление оставляют.¹⁴³

Дети иногда проявляют поразительную сексуальную жестокость по отношению друг к другу. Finkelhor замечает: “many children suffer serious rapes and ongoing sexual abuse from older siblings, neighbors, and schoolmates. [Многие дети страдают от серьезного насилия и постоянных сексуальных злоупотреблений со стороны старших братьев, сестер, соседей и одноклассников.]”¹⁴⁴

Обсуждая причины, по которым дети чаще всего сохраняют в тайне свои сексуальные отношения со взрослыми, Suzanne M. Sgroi замечает, что одной из веских причин выступает часто то, что ребенок сам получает сексуальное удовольствие, и желает его повторения, а также ощущает повышение самооценки и чувствует себя по-взрослому важным и т.д.: “The child may keep the secret because he or she enjoyed the activity and wants the behavior to continue [Ребенок может хранить тайну, т.к. сам получает удовольствие и хочет, чтобы подобные действия продолжались.]”. Отрицание этого кажется автору непростительным: “to deny that the pleasurable aspects of the sexual behavior may be self-reinforcing for the child, is to ignore the obvious and to neglect to consider one of the most important dynamics. [отрицать тот факт, что получение удовольствия от сексуальных действий побуждает ребенка в воспроизводству этих действий, означает отрицать очевидное и не принимать во внимание одну из самых важных закономерностей.]”¹⁴⁵ Автор в дальнейшем обсуждает долгосрочные последствия преждевременной сексуальной активности для участвовавших в педосексуальных действиях детей, однако, исследование ясно констатирует факт получения ребенком удовольствия в процессе и желания повторения этого удовольствия. Сходные выводы высказывает другой автор: «При обоюдном согласии и при предварительной информированности ребенка в сценарии хотя бы начала сексуальных действий, при отсутствии попыток жёсткого психологического давления на него, и без физического насилия со стороны взрослого, ребенок способен ощущать партнерское равноправие, получать удовлетворение и положительные эмоции от такой связи».¹⁴⁶

Из всего вышеприведенного видно, что невозможно отказывать детям в сексуальности, не отрицая при этом внушительные массивы опытных научных данных. Ребенок является субъектом, а не только объектом сексуального влечения.

---

¹⁴² David Finkelhor “Sex among siblings: A survey on prevalence, variety, and effects”

¹⁴³ J.J. Haugaard, C. Tilly “Characteristics predicting children's responses to sexual encounters with other children”

¹⁴⁴ David Finkelhor “Child Sexual Abuse”

¹⁴⁵ S.M. Sgroi “Clinical Intervention in Child Sexual Abuse”, Conceptual Framework

¹⁴⁶ Г.Б. Дерягин «Педофилия» (в авторской редакции 2011 г.)

7) «Ребенком считается любое лицо, не достигшее «возраста согласия»».

Такое широкое и странное определение «ребенка», очень мало пересекающееся с реальностью человеческой физиологии порождает изрядное количество понятийных проблем и смешивает разнородные группы явлений. Наделение одинаковым правовым статусом 15-месячных и 15-летних людей есть очень недавнее изобретение, которое претит самому здравому смыслу, что, как ни странно, ничуть не смущает законодателей.

8) «Дети по природе наивны, незрелы и в принципе не могут распоряжаться своим телом, не могут соглашаться на определенные действия или принимать решения до возраста согласия, достигнув которого они могут вступать в половые сношения сознательно и обдуманно; возраст согласия – необходимый элемент регулирования сексуальных отношений в обществе».

Хочется верить, что нет нужды объяснять различия между уровнями умственного и сексуального развития между детьми 4 лет и подростками 14 лет, как и всю странность отнесения их к одной и той же категории. Поэтому тут коротко обсудим сам «возраст согласия» и связанные с ним проблемы.

До 1880-х годов в США возраст согласия для девочек почти всюду составлял 10 лет. С этого времени он начал повышаться; это продолжалось на протяжении двадцатого века. Возраст согласия был поднят до 16, а затем и до 18 лет (1985). При этом фактический возраст физического созревания на протяжении последнего столетия существенно снизился с примерно 15 до приблизительно 12-13 лет.¹⁴⁷ Разнонаправленность этих двух тенденций не может не вызывать недоумения, а также не создавать социальных проблем. Тринадцатилетняя девочка сегодня имеет куда больше склонности к сексуальной активности, чем 120 лет назад; законодатель, однако, напротив, отказывает ей в подобной активности, именуя таковую в этом возрасте чем-то настолько недопустимым и извращенным, что его коллега из 19-ого столетия был бы немало удивлен.

Особенно удивительным выглядит соотношение возраста согласия с минимальным возрастом привлечения к уголовной ответственности. В России законодатель считает 14-летнюю девочку достаточно развитой, зрелой и сознательной, чтобы распорядиться орудием убийства (Статья 105 УК РФ) и нести за это уголовную ответственность. Одновременно законодатель начисто отказывает ей в возможности сознательно распорядиться своей девственной плевой. Подобная ситуация имеет место во многих странах мира, достигая, порою, поразительной абсурдности. Например, в Ирландии

---

¹⁴⁷ P. Jenkins “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”, P.26

минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности составляет 7 лет, а возраст согласия - 17. Лицо может привлекаться к уголовной ответственности с 7 лет в Индии и Сингапуре, с 10 лет – в Австралии, Англии, Швейцарии. Возраст согласия во всех этих странах составляет 16 лет. В США возраст согласия колеблется в диапазоне 16-18 лет, а минимальный возраст уголовной ответственности варьирует в широких пределах с нижней границей в 6-7 лет. В Бразилии, напротив, возраст согласия (14 лет) меньше минимального возраста привлечения к уголовной ответственности (18 лет). Одновременно закон, в сущности, нигде не карает ненасильственные сексуальные действия между людьми, не достигшими возраста согласия. То есть, к примеру, в России или США 14-летний мальчик и 14-летняя девочка могут беспрепятственно заниматься сексом, и законодатель не считает их не достаточно зрелыми или развитыми для этого. А вот для секса с 18-летним юношей 14-летняя девушка, по мнению законодателя, не готова и не отличается по возможности соглашаться и осознавать характер происходящего от 18-месячной. Трудно представить, как подобные законодательные акты сосуществуют друг с другом – в реальности и в умах политиков и обывателей, которые в изрядной своей части поддерживают повышение возраста согласия. В США имеется термин “statutory rape” [«изнасилование по статуту»], который означает изнасилование без насилия (!) и описывает случай, при котором лицо, не достигшее возраста согласия, вступает в половое сношение с лицом, чей возраст превышает определенный порог (который может быть и выше возраста согласия). При этом даже если сношение спровоцировано и инициировано младшим партнером, он все равно считается изнасилованным (без насилия).

Неясно также, зачем вообще нужен возраст согласия. Если сексуальные отношения не насильственны и не приносят вреда, то какая разница, в каком возрасте они происходят и какова разница между возрастными партнерами (партнерш)? А если половые сношения характеризуются принуждением или насилием, то как влияет возраст участников и разница между их возрастными на возможность судебно-медицинской экспертизы оценить наличие психического, физического вреда и степень их выраженности? Не причинит ли изнасилование взрослым мужчиной взрослой женщины ей вред психический и, вероятно, физический (взрослые люди очень разнятся по своим физическим данным) больший, чем ненасильственный половой акт 15-летнего юноши и 20-летней девушки этому юноше? Законодатель отвечает уверенное «нет», которое распространяется на все случаи и обстоятельства. За случаем, при котором вторая ситуация может пройти вообще без негативных последствий, политик не закрепляет реальности. Также следует помнить, что сама идея возраста согласия была порождена социальной реальностью 19-ого века и служила цели защиты *marriageability* [способность быть выданной замуж] маленькой девочки, а вовсе не защиты ее прав или психического здоровья. При вскрытии факта совершения взрослым мужчиной педосексуальных действий в отношении девочки, приводивших к разрушению ее

девственной плевы, первой реакцией ее семьи было заставить этого мужчину на ней жениться (“shotgun wedding” [«свадьба под дулом дробовика»]), а не посадить его в тюрьму. В наше время отсутствие девственности невесты уже не мешает ей выходить замуж, таким образом, и соображения, приведшие к возникновению возраста согласия, утратили свою силу. В этой связи не лишне вспомнить петицию во французский парламент, составленную в 1977 году французской интеллигенцией, в которой подписавшиеся просили отменить возраст согласия во Франции. Петиция была подписана М. Фуко, Ж. Деррида, С. де Бовуар, Ж.-П. Сартром и другими видными людьми.¹⁴⁸

Приходится констатировать, что законодательные определения «ребенка», а также законы о «возрасте согласия» и то, как они выглядят в контексте других законов и реальных жизненных обстоятельств в большинстве цивилизованных стран, заставляют усомниться в здравости ума авторов этих законов, равно как и общественности, которая их поддерживает.

9) «В борьбе с педофилами хороши любые (а особенно крайне жестокие) средства».

Общественная ненависть по отношению к серийным убийцам, некрофилам, педофилам и т.д. бесплодна. Обыватель верит в то, что ужесточение наказаний причинно обусловит снижение числа наказываемых действий. Это *могло бы* быть верно, только если бы эти действия были результатом свободного волеизъявления. Но люди не выбирают, не решают стать серийными убийцами, некрофилами, педофилами, раптофилами или некрофетишистами. Эти вещи не есть результат реализации свободы воли. Сам вопрос о наличии у человека свободы воли веками являлся поводом к философским спорам; с появлением нейробиологии этот спор был в известной степени переведен в научное русло, а появившиеся данные скорее свидетельствуют в пользу отрицательного ответа. Это, несомненно, контрринтуитивно (подобно форме земли, корпускулярно-волновому дуализму, атомарной теории, трансфинитной индукции и т.д.). Приходится констатировать заметную дивергенцию между научным познанием и теми интуитивными допущениями, на которых зиждутся и поныне институты морали и права: упразднение свободы воли полностью лишает смысла понятия ответственности и вины. Однако даже если в согласии с укоренившейся практикой закрепить за людьми свободу воли, то определенные категории людей и аспекты и их поведения все равно не смогут ею характеризоваться. Закон делает послабление в случае состояния аффекта, однако, подобные же послабления следовало бы предусмотреть для любых ситуаций, в которых человек не может считаться выбравшим те или иные модели поведения. Никто не выбирает организацию своего сексуального влечения, поэтому сама идея криминализации тех или иных ее видов (педофилия, некрофилия и т.д.) неоправданна.

---

¹⁴⁸ Michel Foucault “Sexual Morality & the Law”

Также вызывает недоумение тот факт, что применительно к означенным категориям лиц обыватель требует применения жестоких мер пресечения, которые обычно используются для коррекции. Система пенитенциарных, коррекционных заведений служит цели *исправления*, перевоспитания, а не мести. Требование максимально жестоких мер пресечения изобличает нездоровую обывательскую тенденцию использовать систему правосудия и коррекционных заведений для свершения мести, что есть, по сути, профанация всей этой системы. Определение *оптимальных* тюремных сроков или иных мер пресечения за совершение тех или иных действий (а не за наличие фантазий, идей, мыслей или намерений) должно основываться на тщательном изучении уровней рецидивизма у каждой группы правонарушителей, а не на накале эмоций или уровне общественной ненависти. В одних случаях может быть достаточно незначительных мер, в других коррективная мера может быть невозможна вовсе (большинство серийных убийц); в последнем случае сохраняет свою легитимность идея изоляции от общества, но не идея *наказания*.

Все, что нам известно о парафилиях и серийных убийцах, подсказывает нам, что то, что мы делаем с *уже* по факту имеющимися, *никак* не влияет на количество вновь появляющихся. Усомнившись в этом следует расположить в хронологическом порядке по дате рождения всех известных серийных убийц, действовавших, к примеру, на территории России и бывшего СССР на протяжении последних 120 лет. Большая часть из них окончила дни в расстрельной комнате, и, тем не менее, в год казни одного неизменно рождалось несколько человек, кто годы спустя начинал убивать. Педофилы, некрофилы, люди, характеризующиеся экстремальными формами алголагнии и т.д. встречаются всю историю человечества. Едва ли общественное отношение к ним было когда-либо положительным; тем не менее, они не перестают возникать. Жестокость общественной мести уже по факту имеющимся серийным убийцам и лицам с парафилиями никак не влияет на появление новых; обыватель или тешит себя мыслью о том, что это не так, или вообще не раздумывает о причинах. В самом деле, когда ловят очередного серийного убийцу, сексуального садиста и т.д. обыватель и СМИ, кажется, с какой-то нездоровой радостью смакуют сначала жестокости преступлений, а затем – жестокости предлагаемых казней. После избавления от нарушителя спокойствия о нем забывают. Но это не помогает решить проблему *появления* подобных людей. *Причины*, по которым люди становятся педофилами, некрофилами или серийными убийцами обыватель не обсуждает практически никогда: он или наивно верит, что это результат выбора (иначе этих людей нельзя казнить), или вообще не думает об этом.

Невозможно переоценить важность этого факта: что бы ни было причиной самых страшных и поразительных вариантов организации либидо и агрессивных актов, казни, пытки, общественная ненависть и массовый страх по отношению к этим вещам никогда

– ни в какой временной перспективе – не решат проблему. Обыватель готов тысячу лет выявлять подобных людей, тысячу лет затем убивать их и делать вид, будто новые не появятся.

Единственное, что хотя бы в перспективе сможет решить проблему, так это исследование причин подобных явлений. Мы должны задавать себе два вопроса:

1. Что вообще приводит к тому, что люди становятся серийными убийцами, садистами, некрофилами, педофилами и т.д.?
2. Постольку, поскольку мы знаем ответ на первый вопрос, как можем мы разглядеть потенциально опасных и странных людей еще в самом раннем детстве и какие превентивные меры можем мы принять, чтобы они не сделались общественно опасными, несчастными сами и не сделали несчастными других?

Только такой подход поможет нам когда-нибудь справиться с нашими проблемами. Общество само просматривает странных детей и людей с тревожными психологическими особенностями, само игнорирует их, а затем делает вид, что не имело с ними никогда ничего общего, что они не в его лоне родились и выросли, и торопится избавиться от них, причем как можно более жестоко. Трудно вообразить себе большее лицемерие. Каждый человек с парафилией, каждый серийный убийца – ценнейший объект для исследования, т.к. только оно способно будет однажды дать ключ к пониманию причин соответствующих проблем. Сохранение жизни этих людей и их изучение служат общественному интересу куда лучше, чем их казнь. Ужесточение законов относительно педосексуальных действий никогда не поможет избавиться от них; игнорирование этого факта чревато огромными затратами, чрезмерной жестокостью и полным отсутствием результатов.

Относительно причин педофилии имеется много гипотез, большая часть которых связывают педофилию с явлениями мозговой деятельности, метаболизмом, и генетической предрасположенностью. Изучение биографий различных групп педофилов показывает, что потенциальной причиной может выступать факт вовлечения в педосексуальные действия в детстве: 28-93% педофилов мужского пола и 47-100% женского были вовлечены в детстве в подобные действия.¹⁴⁹ Верно, однако, что большинство лиц, которые вовлекаются в педосексуальные действия, не совершают их впоследствии.¹⁵⁰ Следует отметить, что, несмотря на огромное количество произведенных исследований, никакой единой превалирующей гипотезы о причинах педофилии нет.

---

¹⁴⁹ L.J. Cohen, K. Nikiforov, S. Gans “Heterosexual male perpetrators of childhood sexual abuse: a preliminary neuropsychiatric model”; D.M. Vandiver, G. Kercher “Offender and victim characteristics of registered female sexual offenders in Texas: a proposed typology of female sexual offenders”

¹⁵⁰ L.J. Cohen, K. Nikiforov, S. Gans “Heterosexual male perpetrators of childhood sexual abuse: a preliminary neuropsychiatric model”

- 10) «Любой, кто выражает сомнения в верности этих воззрений, должен быть заподозрен в педофилии и производстве детской порнографии, т.к. каждому нормальному человеку не придет в голову сомневаться в вышеприведенных высказываниях».

Характерной чертой современного общества в области отношения к педофилам и детской порнографии является не только безоговорочная, безапелляционная убежденность в истинности указанных выше положений.

В силу того, что вера в описанные идеи очень прочно укоренилась в общественном сознании, а СМИ постоянно нагнетают обстановку, обыватель сделался крайне чувствительным к данной теме. Это приводит к поразительным психологическим явлениям: когда научное сообщество подходит к изучению педофилии непредвзято и обнаруживает, что масштаб проблемы преувеличен, как и вред педосексуальных действий, то вместо радости от осознания факта ранее имевшего место преувеличения проблемы, обыватель (и политик, ищущий его симпатии) мгновенно обрушиваются на академическое сообщество и с поразительным накалом эмоций не желают верить ему. Это также странно, как ситуация, при которой больной с подозрением на рак так сильно уверовал уже в то, что страдает раком, что когда ему сообщают о том, что он здоров, он вместо радости обрушивается на врача с критикой и скепсисом. По всей видимости, нежелание признать свою собственную ошибку и желание во что бы то ни стало оказаться правым в любых своих опасениях и страхах для обывателя куда важнее фактов.

Помимо уже описанного случая с метаанализом 1998 года, в США имела место целая череда всплесков общественной ненависти по отношению к выдающимся сексологам современности, которые осмелились опубликовать данные, шедшие вразрез с общественным мнением и политическими идеями.¹⁵¹ Недавно в России публичному остракизму подвергли Г. Дерягина, за его статью о педофилии, которую, судя по высказываниям о ней в СМИ, ненавистники Дерягина даже не потрудились полностью прочесть. Само обсуждение того, верны ли или неверны убеждения борцов с педофилами и детской порнографией, кажется, негласно под запретом: “This doctrinaire and politically charged approach to child protection led to a counterattack against critics who were treated as misguided or malevolent heretics — members of a supposed social backlash movement whose beliefs would roll back decades of progress made on behalf of abused children. [Этот доктринерский и политически ангажированный подход к защите детей привел к нападкам на критиков, с которыми обращаются как с заблудшими и злокозненными еретиками, представителями какого-то реакционного общественного

---

¹⁵¹ См. Н. Wakefield “The Effects of Child Sexual Abuse: Truth Versus Political Correctness”

движения, чьи убеждения уничтожают результаты десятилетий труда по оказанию помощи детям, подвергшимся злоупотреблениям.]”¹⁵²

Реакцией на попытки обсуждения становятся обычно две вещи:

- Исследователя или просто непредвзято, объективно подходящего к проблеме человека автоматически демонизируют, самого зачисляют в педофилы, извращенцы, маньяки, насильники и т.д. без каких бы то ни было промедлений и разбирательств.
- При полном отсутствии призывов к чему бы то ни было, журналисты и обыватели всегда умудряются найти в ряде научных статей «пропаганду педофилии» или ее «оправдания». Достаточно прочесть любую из обвиняемых в этом публикаций, чтобы не обнаружить там ни одного призыва и ни одного глагола в повелительном наклонении.

Складывается чрезвычайно тяжелая ситуация, при которой ученому просто опасно заниматься беспристрастным изучением педофилии. Ряд академических статей даже специально посвящен описанию того, какому остракизму и каким обвинениями подвергают ученых в данной области.¹⁵³

Может показаться, что современный мир впал в массовое помешательство, однако, это не так. Современная ситуация является типичным примером общественной моральной паники¹⁵⁴; подобные паники возникали и в прошлом, чередуясь с периодами относительного спокойствия и безмятежности. В США первая подобная паника имела место в период 1908-1922 и характеризовалась общественными опасениями относительно неких “defective delinquents” [«психически неполноценных делинквентов»]. После затишья в конце 1920-х и начале 1930-х, возникла новая паника, продолжавшаяся с 1936 по 1957 годы; она была в изрядной степени спровоцирована случаем Альберта Фиша. В этот раз общественное зло получило наименование “sexual offender” [«сексуальный преступник»] и “psychopath” [«психопат»]. Расцвет общественного страха пришелся на конец 1940-х и начало 1950-х. Период 1957-1976 (“Libertarian Era” [«Либертарианская Эра»]) в этом отношении охарактеризовался вновь возникшим спокойствием, а также уничтожением цензуры, сексуальной революцией и легализацией порнографии (начиная с Дании в 1969 году). Публикации этого времени, посвященные педосексуальным действиям, видели ребенка зачинщиком, преследующим

---

¹⁵² J. Earl “Child Pornography, The Politics of Child Abuse, and the Abuse of Innocence: Analysis and Commentary”

¹⁵³ Rind, B., Tromovitch, P., Bauserman, R. (2000) “Condemnation of a scientific article: A chronology and refutation of the attacks and a discussion of threats to the integrity of science”, Rind, B., Tromovitch, P., Bauserman, R. (1999, November 6). “The clash of media, politics, and sexual science: An examination of the controversy surrounding the Psychological Bulletin meta-analysis on the assumed properties of child sexual abuse”. Talk presented at the 1999 Joint Annual Meeting of the Society for the Scientific Study of Sexuality and the American Association of Sexuality Educators, Counselors, and Therapists, St. Louis, Missouri.

¹⁵⁴ P. Jenkins “Moral Panic: Changing Concepts of the Child Molester in Modern America”; K. McCartan “‘Here There Be Monsters’: the public's perception of paedophiles with particular reference to Belfast and Leicester”

свою психологическую выгоду. Мало или вовсе не известные ныне, эти академические работы – будь они изданы сейчас – стоили бы авторам репутации и, вероятно, карьеры. С 1976 года начинается нынешний виток моральной паники; ситуация в корне не изменилась, изменились термины: ныне общественность пребывает в ужасе перед “pedophiles” [«педофилами»], “child abusers” [«лицами, злоупотребляющими детьми (в т.ч. сексуально)»] и “child molesters” [«лицами, домогающимися детей»]. Все обострения моральных паник характеризуются драконовским законотворчеством, совершенно неадекватным имеющейся проблеме: “In response, lawmakers implement policies that may cause harm in areas having nothing to do with the original problem and that divert resources away from measures which might genuinely assist in protecting children. [В ответ законодатели прибегают к политике, которая наносит вред в областях, не имеющих ничего общего с изначальной проблемой, и отвлекает средства от мер, которые могли бы в действительности помочь защитить детей.]”¹⁵⁵ Исследователи предполагают, что вообще образ сексуального преступника в общественном сознании в каждую эпоху полностью предопределен социетальными процессами и не имеет фактически ничего общего с реальностью. Другие академические работы посвящены подробному изучению сходных моральных паник на тему педофилов в других странах.¹⁵⁶ Множество статей посвящено изучению общественного восприятия проблемы сексуальных преступников, включая тех, кто злоупотребляет детьми. Исследования показывают, что обыватели и политики руководствуются в первую очередь информацией из СМИ, разделяют широкий набор заблуждений и преувеличивают масштабы проблемы, уровни рецидивизма и т.д.¹⁵⁷

Среди тех панических идей, которые привели к разрастанию нынешней общественной истерии относительно педофилов, следует упомянуть слухи о сатанических культах, практикующих секс с детьми (satanic ritual abuse [злоупотребления в рамках сатанинских ритуальных действий])¹⁵⁸, а также феминистские идеи о том, что огромная доля женщин имеет психологические проблемы из-за имевшего место в детстве домогательства.¹⁵⁹ В глаза бросается абсурдность подобных идей, тем не менее, невозможно отрицать их роль в зарождении современной моральной паники. Эта паника продолжает разрастаться, поддерживаясь системой положительных обратных связей. Учитывая свойства человеческой психологии, нет, в сущности, ничего удивительного в том, что безосновательные предположения могут получать статус чуть ли не прописной истины в глазах огромного количества людей.¹⁶⁰

---

¹⁵⁵ P. Jenkins “Moral Panic: Changing Concepts of the Child Molester in Modern America”

¹⁵⁶ См., например, P. Jenkins “Intimate Enemies: Moral Panics in Contemporary Great Britain”

¹⁵⁷ Обзор подобных работ и самостоятельное исследование см. в Stacey Katz-Schiavone “Myths and Facts About Sexual Violence: Public Perceptions and Implications for Prevention”

¹⁵⁸ Fraser, GA (1997) “The Dilemma of Ritual Abuse: Cautions and Guides for Therapists”

¹⁵⁹ A. Adler “The Perverse Law of Child Pornography”

¹⁶⁰ См. результаты некоторых опытов по социальной психологии, например, опытов Эша.

Потенциальные причины и механизм разворачивания моральной паники лаконично раскрыты во введении к одной из монографий, посвященных этой теме.¹⁶¹ Автор отмечает, что моральные паники зиждутся на страхе и тревоге относительно опасности, которая объясняется общественности посредством доминирующей идеологии. Эта идеология обслуживает интересы правящей элиты, сохранение ее власти и защищает ее экономическое и политическое положение. Опасность сильно преувеличивается, вследствие чего обыватель верит, будто она таится повсюду. Результатом является крайне широкая поддержка законов, основанных на искаженном взгляде на масштаб и природу проблемы, привлекающей к себе внимание. Это упрочивает положение верхних эшелонов власти и дает обществу ложное чувство безопасности. Законы, таким образом, неэффективны, но сохраняются в силу того, что граждане, которые поддерживают их исполнение в рамках системы правосудия, имеют очень скудное понимание того, что они пытаются преследовать и контролировать.

Нынешняя ситуация выглядит крайне тревожной. Неадекватное законодательство и правовые практики, огромные усилия, затрачиваемые на борьбу с преувеличенной проблемой, и нагнетание массового страха имеют для общества большую цену. Борцы с педофилами и детской порнографией получили баснословные полномочия, средства и власть. Их количество, вполне вероятно, сильно превосходит количество тех, кого они преследуют. Эта ситуация очень тревожная, т.к. при нарушении определенного баланса между количеством борцов и количеством правонарушителей определенной категории, *осужденных не может стать меньше.*

В ФБР людей, занятых борьбой с детской порнографией, в два с лишним раза больше, чем занятых обеспечением национальной безопасности.¹⁶² В США существует целая организация людей, пострадавших от драконовских судебных решений, имевших место в силу текущей общественной паники.¹⁶³ Сами дети и подростки становятся порою жертвами законов, призванных их защищать. Стражи порядка говорят нам, что дети злоупотребляют сами собою. Известны случаи, когда дети (в правовом смысле) привлекались в уголовной ответственности за то, что производили детскую порнографию со своим участием.¹⁶⁴ Общественная ненависть и нетерпимость ко всем, кого только заподозрили в педосексуальных действиях, переходит все мыслимые границы, приводя к тому, что даже ни в чем не виновные лица навсегда теряют свою репутацию и доброе имя.¹⁶⁵ В США за фотографию обнаженного 17-летнего человека можно отправиться в тюрьму на срок в два раза больший, чем за попытку его убить, и на в четыре раза больший, чем за нанесение ему тяжких телесных повреждений,

---

¹⁶¹ L.M. Kruse “Sex offenders, sexuality, and social control : a case study in the social construction of a social problem”

¹⁶² R. Fogarty “FBI digital counterintelligence weakened by focus on child porn” // <http://www.itworld.com/security/160701/doj-fbi-cyber-security-largely-incompetent-obsessed-child-porn>

¹⁶³ www.ReformSexOffenderLaws.org

¹⁶⁴ A.F. Kimpel “Using Laws Designed to Protect as a Weapon: Prosecuting Minors Under Child Pornography Laws”

¹⁶⁵ Описание 150 случаев подобных судебных решений см. в M. Burns “False Accusations of Sex with Juveniles”

повлекших смерть (!).¹⁶⁶ Даже самые легкие случаи (например, добровольные сношения взрослого лица с подростком до возраста согласия) приводят к длительным тюремным срокам и обязательной регистрации в национальном реестре сексуальных преступников, посредством которого все личные данные и адреса нарушителей предаются гласности. Число зарегистрированных в США сексуальных преступников превышает население многих крупных городов.¹⁶⁷ Помимо бесчисленного количества сломанных жизней, содержание всех этих людей в тюрьме, их регистрация и отслеживание обходятся налогоплательщикам в баснословные суммы. Исследователи отмечают, что меры по регистрации, ограничению перемещения осужденных child molesters, не приносят должных результатов, а также что они создают дополнительные проблемы: “Legislation regarding sex offenses is often passed swiftly with little to no evaluation of the effectiveness of such policies on preventing recidivism and protecting the public. Further, little criticism is raised despite overwhelming evidence that sex offender registration and community notification is ineffective and has many negative consequences. [Законопроекты о сексуальных правонарушениях часто принимаются легко и безо всякой оценки их действенности в предотвращении рецидивизма и защите общественного порядка. Кроме того, высказывается очень мало критических замечаний, несмотря на многочисленные данные, свидетельствующие о том, что регистрация сексуальных правонарушителей и извещение их соседей являются неэффективными мерами и влекут множество негативных последствий.]”¹⁶⁸ Согласно опросам, 74% американских граждан утверждают, что будут поддерживать эти меры, даже если в их пользу не будет иметься никаких научных доводов.¹⁶⁹

В реестре сексуальных преступников Америки и Британии числятся даже дети 11 и 8 лет, занесенные туда за проявления здоровой детской сексуальности вроде игры в доктора.¹⁷⁰ Детям из первых и вторых классов предъявляются обвинения в содомии¹⁷¹, дети 6 лет¹⁷² и даже 4-летние¹⁷³ обвиняются в сексуальных домогательствах и сексуальных злоупотреблениях.¹⁷⁴ Эти и другие дети подвергаются принудительному лечению методами, в том числе электрошоковой терапии (!), которые применялись в 1950-е для «лечения» гомосексуалов.¹⁷⁵ Люди, которые даже не предприняли по факту никаких противоправных действий и которые были *специально спровоцированы* на

---

¹⁶⁶ M. Burns “Throwing Away the Key”

¹⁶⁷ M. Burns “Counting and Over-Counting Sex Offenders”

¹⁶⁸ L.M. Kruse “Sex offenders, sexuality, and social control : a case study in the social construction of a social problem”

¹⁶⁹ Stacey Katz-Schiavone “Myths and Facts About Sexual Violence: Public Perceptions and Implications for Prevention”

¹⁷⁰ M. Burns “Criminalizing Child’s Play”

¹⁷¹ E. Sinociv “First Graders Face Sodomy Charges” // <http://www.14news.com/story/2931302/first-graders-face-sodomy-charges?nav=3w6nWEna&redirected=true>

¹⁷² 6-Year-Old Accused Of Sexual Harassment // <http://www.thedenverchannel.com/nationalnews/6836257/detail.html>

¹⁷³ 4-year-old suspended after hugging teacher's aide // http://www.pantagraph.com/news/weird-news/article_b72f2ac5-b91b-5af6-ae79-7ac99699ae4f.html

¹⁷⁴ B. Smith “Boy, 6, accused of sex abuse”

¹⁷⁵ Arousal Reconditioning // <http://www.ethicaltreatment.org/reconditioning.htm>

нечто такое, что может быть истолковано, как проявления намерения совершить таковые, отправляются в тюрьму, попав перед этим (или для этого?) в целое телешоу, делающее рейтинг на общественной ненависти к педофилам.¹⁷⁶ Еще 40 лет назад обыватель, *благодаря* которому это стало возможно и имеет место, не поверил бы в то, что такие вещи вообще могут происходить и заподозрил бы предположившего такое человека в безумии.

С 1978 года правоохранительные органы и законодатели борются с педофилами и детской порнографией; они получили почти неограниченную власть, расширили правовые практики до поражающего воображения абсурда, увеличили штаты работников во много раз и активно поддерживают и нагнетают общественную панику. За все это время (30 с лишним лет) ни разу борцы с детской порнографией и педофилией не заявили о том, что их старания дали результаты и проблема хотя бы стабилизировалась или начала исчезать. *Напротив, за эти три десятилетия рьяной и масштабной борьбы, по отчетам самих же правоохранительных органов, проблема стала только еще более неразрешимой.* Очевидно, что если бы речь шла о любой другой проблеме, такие борцы с нею уже очень давно лишились бы работы; но в данном случае семена моральной паники попали на очень благодатную почву – речь идет о детях, поэтому обыватель оказывается совершенно неспособен к критической оценке происходящего и готов сложить свои права и свободы к ногам полицейских. Трудно предсказать, сколько еще пройдет времени, прежде чем текущая моральная паника закончится и вновь установится период спокойствия.

Невозможно также закрывать глаза на тот факт, что активное муссирование темы педофилии и детской порнографии в СМИ отвлекает внимание и средства от решения намного более важных проблем, связанных с детьми по всему миру. Детский голод, детское курение, детский алкоголизм, религиозное насилие в форме принудительной индоктринации и ритуальное, в том числе сексуальное членовредительство¹⁷⁷ не привлекают к себе в наши дни практически никакого внимания, обыватель игнорирует эти проблемы и не задумывается о них. В условиях российской реальности крайне остро стоит проблема детской беспризорности и высокой детской смертности. В России насчитывается несколько миллионов беспризорных детей¹⁷⁸, количество которых – как и количество детей, больных алкоголизмом, токсикоманией и сифилисом – растет даже по официальной статистике. Основной мотив детоубийств новорожденных, совершавшихся женщинами в России в 2002 году, – нищета: ребенка нечем кормить и из милосердия его пытаются умертвить быстро вместо того, чтобы обрекать на голодную

---

¹⁷⁶ См. Catch a Predator с Крисом Хенсенем.

¹⁷⁷ В мире ныне приживают от 100 до 140 миллионов женщин, подвергшихся ритуальному сексуальному членовредительству в форме разных вариантов женского обрезания. См. <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs241/en/>

¹⁷⁸ Аналитический Вестник Совета Федерации РФ 20 (176) С. 35-36, М.П. Титова «Детская беспризорность как угроза национальной безопасности России: социологический аспект»

смерть.¹⁷⁹ Эти проблемы не привлекают и одной десятой доли того внимания, которые привлекает тема педофилии. Если бы борцов с педофилией и детской порнографией действительно волновали дети, а не собственный политический рейтинг, они сумели бы расставить приоритеты. Очевидно, что проблема педофилии, скорее всего, не вошла бы даже в десятку самых тяжелых проблем, связанных с детьми в России, а может быть и во всем мире.

Коротко говоря, главные критические замечания в адрес борцов с педофилами и детской порнографией звучат так:

При нынешней социальной, политической и финансовой модели постановки борьбы с педофилией и детской порнографией, количество осужденных людей, в том числе чрезмерно или вообще незаслуженно пострадавших, не может уменьшиться. Действия борцов с педофилией и детской порнографией не только умножают человеческие страдания, ломая жизни и уничтожая репутации, но и дорого обходятся гражданам их стран, отвлекая ресурсы от решения намного более важных проблем, связанных с детьми.

Подводя итог данной секции, отметим следующее:

- совокупность современных общественных процессов, законодательной активности и массового восприятия проблемы педофилии является типичным примером моральной паники, подобные которой периодически возникают уже много десятилетий;
- спектр пропагандируемых и принимаемых мер только поглощает ресурсы, порождает массу новых проблем и никак не способствует решению уже имеющихся;
- масштабы проблемы педофилии и детской порнографии весьма преувеличены в общественном сознании; сомнения в этом, как и в других слепо разделяемых обывателями и политиками идеях, может легко стоить усомнившемуся человеку репутации, а то и карьеры; диспропорциональное внимание теме педофилии и детской порнографии отвлекает средства от неизмеримо более важных, глубоких и серьезных проблем, связанных с детьми;
- правовые практики и принятые законы переходят все границы адекватности, приводя к тому, что даже малолетние дети страдают от законов, которые призваны их защищать.

---

¹⁷⁹ Ювенский, Шумский, Калюжная «Женщины-убийцы»

Заключение

Данная работа поднимает большую часть основных проблем – научных и социальных – связанных с педофилией и детской порнографией в контексте современного западного и российского общества.

Приведенные популярные воззрения на поверку оказываются или заблуждениями или голословными утверждениями, не находящими достаточных фактических свидетельств в свою пользу. Верно, что многие опасения общественности не лишены оснований, однако большая часть этих опасений порождена социальной паникой, недостатком культуры мышления, здорового скептицизма и легкой впечатлительностью большинства обывателей.

История учит нас, что социальные паники проходят, а даже самые крепкие сексуальные табу со временем теряют силу и исчезают под действием просвещения и либерализации законодательства. Автор искренне надеется застать то время, когда его труд будет представлять по большей части историческую ценность.

Addendum

Данная статья – также как и множество куда более полных, строгих и обоснованных – практически обречена быть осужденной и возбуждать ненависть; легко предсказать, какие обвинения посыплются в изобилии на ее автора. Можно ли вообще, беседуя с массой на ее языке, свести содержание данной работы к одной странице-ответу на одну страницу пропозиций? Можно ли превратить ее в набор веских, метких лозунгов, которые обыватель воспримет – в отличие от научного языка, ссылок на публикации, факты, оговорок о проблемах метода? Скорее всего, нельзя; есть какой-то предел упрощенчества и чрезмерной категоричности, который не может быть здесь преодолен. С прискорбием приходится констатировать тот факт, что эту работу практически невозможно донести до среднестатистического человека, как невозможно донести стратиграфию и генетику до креациониста. Иногда кажется, что обыватель, глядящий на мир сквозь неуничтожимый трафарет своих предрассудков и противоречивых стереотипов, нуждается в каком-то портрете общественного зла, который позволит ему изживать свою бытовую злость. В свою очередь политик, ищущий средства к упрочению своего положения, готов играть на любых человеческих слабостях и страстях, поэтому с радостью выбирает самые шокирующие темы, чтобы, преувеличив проблему, имитировать активную деятельность по ее решению, отвлекая внимание от других проблем и повышая свой рейтинг.

Если хотя бы один читатель добрался до этого места, был огражден от категоричности в суждении и побужден к объективному, тщательному и академически непредвзятому исследованию обсуждаемых проблем, труд автора не пропал даром.

Первая редакция – 11 октября 2011;

Текущая редакция (6-а) – 22 октября 2011.

References¹⁸⁰

1. Ames, Houston “Legal, social, and biological definitions of pedophilia”
2. M.C. Steto “Pedophilia and sexual offending against children: Theory, assessment, and intervention”
3. K.V. Lanning “Cyber “Pedophiles:” A Behavioral Perspective”
4. C.W. Ryan, R.C.W. Hall “A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues”
5. H. Merskey “Variable Meanings for the Definition of Disease”
6. R. Green “Is Pedophilia a Mental Disorder?”
7. Г.Б. Дерягин «Педофилия» (авторская редакция 2011 г.)
8. Р. Краффт-Эбинг «Половые психопатии»
9. P. Jenkins “Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet”
10. Fabian M. Saleh, Albert J. Grudzinskas, John M. Bradford, M.D., Daniel J. Brodsky “Sex Offenders: Identification, Risk Assessment, Treatment, and Legal Issues”
11. G.G. Abel, N. Harlow “The Abel and Harlow child molestation prevention study. Excerpted from The Stop Child Molestation Book”
12. S.M. Sgroi “Clinical Intervention in Child Sexual Abuse”
13. Smiljanich, Kathy, Briere, John “Self-Reported Sexual Interest in Children: Sex Differences and Psychosocial Correlates in a University Sample”
14. J. Briere, M. Runtz “University males' sexual interest in children: Predicting potential indices of “pedophilia” in a nonforensic sample”
15. M. Freel “Child Sexual Abuse and the Male Monopoly: An Empirical Exploration of Gender and a Sexual Interest in Children”
16. Д. Еникеева «Сексуальные извращения»
17. J.B. Murray “Psychological profile of pedophiles and child molesters”
18. A.K. Fuller “Child molestation and pedophilia: an overview for the physician”
19. David Finkelhor “Child Sexual Abuse”
20. L.J. Cohen, I.I. Galynker “Clinical features of pedophilia and implications for treatment”
21. Lisa J. Cohen, PhD and Igor Galynker “Psychopathology and Personality Traits of Pedophiles”
22. H.N. Snyder “Sexual Assault of Young Children as Reported to Law Enforcement: Victim, Incident, and Offender Characteristics”. Washington, DC: US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics; 2000
23. Stacey Katz-Schiavone “Myths and Facts About Sexual Violence: Public Perceptions and Implications for Prevention”
24. N. McConaghy “Paedophilia: a review of the evidence”
25. Addams “A New Conscience and an Ancient Evil”; H. Hyde “A History of Pornography”
26. H. Hyde “A History of Pornography”
27. D. Pivar “Purity Crusade, Sexual Morality and Social Control”
28. D. Finkelhor, S. Araki “A Sourcebook on Child Sexual Abuse”, Chapter I Prevalence
29. R. Blanchard, M.S. Watson. A. Choy “Pedophiles: mental retardation, maternal age, and sexual orientation”
30. Bagley C. “The prevalence and mental health sequels of child sexual abuse in a community sample of women aged 18 to 27”
31. C.F. Johnson “Child sexual abuse”
32. J. Spataro, P. Mullen “Impact of child sexual abuse on mental health. Prospective study on males and females”
33. Joseph H. Beitchman, Kenneth J. Zucker, Jane E. Hood, Granville A. DaCosta, Donna Akman, Erika Cassavia “A review of the long-term effects of child sexual abuse”

---

¹⁸⁰ В списке приводятся основные научные работы, которые были использованы при написании данной статьи. Полный текст или аннотации доступны через Google Scholar.

34. Joseph H. Beitchman, Kenneth J. Zucker, Jane E. Hood, Granville A. daCosta, Donna Akman "A review of the short-term effects of child sexual abuse"
35. Bruce Rind, Philip Tromovitch "A meta-analytic examination of assumed properties of child sexual abuse using college samples"
36. H. Wakefield "The Effects of Child Sexual Abuse: Truth versus Political Correctness"
37. Bauserman, R., & Rind, B. "Psychological correlates of male child and adolescent sexual experiences with adults: A review of the nonclinical literature"
38. Kendall-Tackett, Kathleen A., Williams, Linda M., Finkelhor, David "Impact of sexual abuse on children: A review and synthesis of recent empirical studies"
39. D.S. Bromberg, B.T. Johnson "Sexual interest in children, child sexual abuse, and psychological sequelae for children"
40. H.H. Filipas, S.E. Ullman "Child sexual abuse, coping responses, self-blame, posttraumatic stress disorder, and adult sexual revictimization"
41. M. Testa, C. VanZile-Tamsen, J.A. Livingston "Childhood sexual abuse, relationship satisfaction, and sexual risk taking in a community sample of women"
42. C. Bagley, M. Wood, L. Young "Victim to abuser: mental health and behavioral sequels of child sexual abuse in a community survey of young adult males"
43. L. Berliner, J.R. Conte "The effects of disclosure and intervention on sexually abused children"
44. C. Dolezal, A. Carballo-Dieguez "Childhood Sexual Experiences and the Perception of Abuse among Latino Men Who Have Sex with Men"
45. Finkelhor, D. (1990). "Early and long-term effects of child sexual abuse: An update"
46. W.N. Friedrich, S.P. Whiteside, N.J. Talley "Noncoercive Sexual Contact with Similarly Aged Individuals"
47. E.E. Levitt, C.M. Pinnell "Some additional light on the childhood sexual abuse-psychopathology axis"
48. Parker, S., & Parker, H. (1991) "Female victims of child sexual abuse: Adult adjustment"
49. Pope, H. G., & Hudson, J. I. (1992) "Is childhood sexual abuse a risk factor for bulimia nervosa?"
50. Runtz, M. G., (2002). "Health concerns of university women with a history of child physical and sexual maltreatment"
51. V.A. Stander, C.B. Olson, L.L. Merrill "Self-definition as a survivor of childhood sexual abuse among Navy recruits"
52. C. Crosson-Tower "Understanding child Abuse and Neglect"
- A. Adler "The Perverse Law of Child Pornography"
53. Jenkins, P. (2001). "Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet"
54. R. Wortley, S. Smallbone "Child Pornography on the Internet", US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41
55. M. Taylor, E. Quayle "Child Pornography: An Internet Crime"
56. T.G.M. Sandfort "Sex in pedophilic Relationships: An empirical Investigation Among a Nonrepresentative Group of Boys"
57. L.N. Strayer "Ambiguous Laws Do Little to Erase 'Kiddie Porn'"
58. L.A. Stanley "The Child Porn Myth"
59. A.Grant, F. David, P. Grabovsky "Child Pornography in the Digital Age"
60. R.L. Pierce "Child pornography: A hidden dimension of child abuse"
61. Quayle, Taylor, Holland "Child Pornography: The Internet and Offending"
62. B.H. Schell, M.V. Martin, P.C.K. Hung, L. Rueda "Cyber child pornography: A review paper of the social and legal issues and remedies—and a proposed technological solution"
63. P. Forde, A. Patterson "Paedophile Internet Activity"
64. T. Lesce "Law Enforcement Investigates Abuse"
65. Claire Milner, Ian O'Donnel "Child Pornography: Crime, Computers and Society"
66. Lanning, K., and A. Burgess (1989). "Child Pornography and Sex Rings"
67. D. Zillmann, J. Bryant "Pornography: Research Advances and Policy Considerations"
68. D.D. Knudsen "Child sexual abuse and pornography: Is there a relationship?"
69. D. Lin, D. Imrich "Child Pornography"

70. Kennedy-Souza, B.L. (1998). "Internet Addiction Order"
71. B. Kutchinskiy "The Effect of Easy Availability of Pornography on the Incidence of Sex Crimes: The Danish Experience"
72. Milton Diamond, Ph.D. and Ayako Uchiyama "Pornography, Rape and Sex Crimes in Japan"
73. M.G. Leary "Self-Produced Child Pornography: The Appropriate Societal Response to Juvenile Self-Sexual Exploitation"
74. Janis Wolak, David Finkelhor, and Kimberly Mitchell "Child-Pornography Possessors Arrested in Internet-Related Crimes: Findings From the National Juvenile Online Victimization Study (Alexandria, Virginia: National Center for Missing & Exploited Children"
75. T. Krone "A Typology of Online Child Pornography Offending"
76. Taylor M 1999. "The nature and dimensions of child pornography on the Internet Combating child pornography" on the Internet conference, Vienna
77. L. Webb, J. Craissati and S. Keen "Characteristics of Internet Child Pornography Offenders: A Comparison with Child Molesters"
78. А. Молль «Половая жизнь ребенка»
79. W. Friedrich "Studies of Sexuality of Nonabused Children"
80. William N. Friedrich, PhD, Jennifer Fisher, PhD, Daniel Broughton, MD, Margaret Houston, MD, Constance R. Shafran, PhD "Normative Sexual Behavior in Children: A Contemporary Sample"
81. J. Bancroft, D. Harbenick, M. Reynolds "Masturbation as a Marker of Sexual Development"
82. M. Reynolds, D. Harbenick, J. Bancroft "The Nature of Childhood Sexual Experiences"
83. David Finkelhor "Sex among siblings: A survey on prevalence, variety, and effects"
84. J.J. Haugaard, C. Tilly "Characteristics predicting children's responses to sexual encounters with other children"
85. L.J. Cohen, K. Nikiforov, S. Gans "Heterosexual male perpetrators of childhood sexual abuse: a preliminary neuropsychiatric model"; D.M. Vandiver, G. Kercher "Offender and victim characteristics of registered female sexual offenders in Texas: a proposed typology of female sexual offenders"
86. D.M. Vandiver, G. Kercher "Offender and victim characteristics of registered female
87. sexual offenders in Texas: a proposed typology of female sexual offenders"
88. J. Earl "Child Pornography, The Politics of Child Abuse, and the Abuse of Innocence: Analysis and Commentary"
89. Rind, B., Tromovitch, P., Bauserman, R. (2000) "Condemnation of a scientific article: A chronology and refutation of the attacks and a discussion of threats to the integrity of science"
90. Rind, B., Tromovitch, P., Bauserman, R. (1999, November 6). "The clash of media, politics, and sexual science: An examination of the controversy surrounding the Psychological Bulletin meta-analysis on the assumed properties of child sexual abuse". Talk presented at the 1999 Joint Annual Meeting of the Society for the Scientific Study of Sexuality and the American Association of Sexuality Educators, Counselors, and Therapists, St. Louis, Missouri.
91. P. Jenkins "Moral Panic: Changing Concepts of the Child Molester in Modern America"
92. K. McCartan "'Here There Be Monsters': the public's perception of paedophiles with particular reference to Belfast and Leicester"
93. P. Jenkins "Intimate Enemies: Moral Panics in Contemporary Great Britain"
94. Stacey Katz-Schiavone "Myths and Facts About Sexual Violence: Public Perceptions and Implications for Prevention"
95. Fraser, GA (1997) "The Dilemma of Ritual Abuse: Cautions and Guides for Therapists"
96. L.M. Kruse "Sex offenders, sexuality, and social control : a case study in the social construction of a social problem"
97. M. Burns "False Accusations of Sex with Juveniles"
98. M. Burns "Throwing Away the Key"
99. M. Burns "Counting and Over-Counting Sex Offenders"
100. M. Burns "Criminalizing Child's Play"
101. Ювенский, Шумский, Калужная «Женщины-убийцы»
102. Finkelhor, Browne "Impact of child sexual abuse: A review of the research"